

Том 6, № 1, 2022

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Специальный выпуск

**К 75-летию Григория Львовича
Тульчинского**

Проблема свободы и философия поступка

Трансформация смыслов в эпоху перемен

Социальные вызовы перед лицом времени

Судьба экспертов в современном мире

Культура в переломные моменты истории

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Том 6, № 1, 2022

ISSN 2541-8351

К 75-летию Г.Л. Тульчинского

Учредитель: Межрегиональная общественная организация
«Гуманитарно-политологический центр "Стратегия"»

Главный редактор: Сунгуров А.Ю.
Редакция: Акопов С.В., Балаян А.А.
(ответственный секретарь),
Тульчинский Г.Л., Щербак А.Н.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25/14, оф. 409
Телефон/факс: (812) 712-66-12,
e-mail: publicpolicyeditor@gmail.com
Электронная версия: <http://center-strategy.com>
ISSN 2541-8351

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65767 от 27 мая 2016 г.
Подписано в печать 26.09.2022 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 500 экз. Заказ 89394.
ООО «Типография АРСИ».
192236, Санкт-Петербург, ул. Б. Куна, д. 32.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- Акопов С.В.** Доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ
- Балаян А.А.** Кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ (ответственный секретарь)
- Малинова О.Ю.** Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН
- Морозова Е.В.** Доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар
- Никовская Л.И.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва
- Попова О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ
- Сморгунов Л.В.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ
- Сунгуров А.Ю.** Доктор политических наук, президент Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия», профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ, главный редактор
- Тимофеева Л.Н.** Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН
- Тульчинский Г.Л.** Доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента государственного администрирования СПб филиала НИУ ВШЭ
- Щербак А.Н.** Кандидат политических наук, доцент, руководитель департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ

EDITORIAL BOARD

- Akopov S.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Balayan A.A.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg (executive secretary)
- Malinova O.Y.** Doctor of Philosophy, Professor of Higher School of Economics National Research University, Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences INION RAN
- Morozova E.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar
- Nikovskaya L.I.** Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
- Popova O.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Political Institutions and Applied Political Science Department, St. Petersburg State University
- Smorgunov L.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of Political Governance Department, St. Petersburg State University
- Sungurov A.Y.** Doctor of Political Sciences, President of the St. Petersburg Humanitarian and Political Center "Strategy", Professor, Department of Political Science and International Affairs, Chief Editor
- Timofeeva L.N.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chair of the Board of the RAPN
- Tulchinskii G.L.** Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Worker of Science of Russian Federation, Professor, Department of Public Administration, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Shcherbak A.N.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Political Science and International Affairs Department, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Бальцер Х. Ильин М.В.	Почетный профессор, Джорджтаунский университет, США Доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО(У), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, Москва
Гаман-Голутвина О.В.	Доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент РАПН
Колебач Х.	Школа социальных наук и международных исследований, Университет Нового Южного Уэльса, экс-председатель Исследовательского комитета по публичной политике и администрации Международной ассоциации политической науки, Австралия
Крастев И.	Директор софийского Центра либеральных стратегий, София, Болгария
Кук Л. Макарычев А.С.	Профессор Brown University, USA Доктор исторических наук, профессор Института правительства и политики Университета г. Тарту, Эстония
Петерссон Б. Рубл Б.	Профессор Университета Мальме, Швеция Почетный научный сотрудник (distinguished fellow) Центра международных исследований им. Вудро Вильсона, Вашингтон, США
Серме Л.	Профессор Института политических исследований в Экс-Провансе (SciencesPoAix), Франция
Соловьев А.И.	Доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционно-издательского совета РАПН
Стародубцев А.В.	Кандидат политических наук, доцент, и. о. заместителя директора СПб филиала НИУ ВШЭ
Чернышов Ю.Г.	Доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета, директор Алтайской школы политических исследований, Барнаул
Якимец В.Н.	Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор РАНХиГС, Москва

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Baltzer H.** Doctor of Political Sciences, Professor Emeritus, Georgetown University
- Ilyin M.V.** Doctor of Political Sciences, Tenured Professor, Higher School of Economics National Research University, Professor at MGIMO, Head of the Centre for Advanced Methodologies in Social Sciences and Humanities, INION RAN
- Goman-Goluvina O.V.** Doctor of Political Sciences, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations. President of the RAPN
- Kolebach H.** Doctor of Political Sciences, Honorary Professor, School of social sciences and international research UNSV, Sydney, Ex-Chair, Research Committee on Public Policy and Administration, International Political Science Association Australia
- Krastev I.** Chair of the Center for liberal Strategies in Sofia, Sofia, Bulgaria
- Cook L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Brown University, USA
- Makarychev A.S.** Doctor of Historical Sciences, Professor of Institute of Government and policy of the University of Tartu, Estonia
- Peterson B.** Doctor of Political Sciences, professor of the university of Malmö, Sweden
- Rubl B.** Distinguished fellow of Center of the Woodrow Wilson International Center, Washington, USA
- Serma L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Institute of Political Researches in Ex-Provence, France
- Solovyov A.I.** Doctor of Political Sciences, Head of Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University, Chair of the Editorial and Publishing Council of the RAPN
- Starodubtsev A.V.** Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Acting Deputy Director, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Chernyshov E.G.** Doctor of Historical Sciences, Head of General History and international relations Department, Altai state university
- Yakimets N.Y.** Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of Institute of Problems of Information transfer, Russian Academy of Sciences, Moscow

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Деменчонок Э.В.</i>	Свобода и ответственность личности в свете диалогической философии	8
<i>Акопов С.В.</i>	Философия поступка и политика одиночества	17
<i>Беляев И.А.</i>	Инфляция смыслов в современной политике	22
<i>Никольский С.А.</i>	Идея общественного переустройства и отечественная реальность	33

ЭКСПЕРТЫ И ПОЛИТИКА

<i>Лисенкова А.А.</i>	Новая экспертность цифрового мира: горизонтальная раздробленность и алгоритмическая целостность	44
<i>Сунгуров А.Ю.</i>	Политика смысла: что могут и что не могут дать эксперты?	51
<i>Балаян А.А.</i>	Идентификация интеллектуалов как политического феномена	60
<i>Заостровцев А.П.</i>	Эффект колеи, культура и критические моменты	70

Список избранных публикаций Г.Л. Тульчинского (монографии и учебные пособия)	80
---	-----------

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляемый читателю выпуск нашего журнала имеет особый характер – он целиком посвящен некоторым темам, которые предлагалось обсудить на круглом столе в НИУ ВШЭ – СПб, запланированном на 30 сентября 2022 г. и озаглавленном, по предложению Г.Л. Тульчинского, «Политика смысла или смысл политики». Этот круглый стол приурочен к 75-летию Григория Львовича, которое состоялось летом, 3 августа 2022 г.

Мы решили, что этот выпуск, который, как мы надеемся, будет готов к дате проведения круглого стола, станет нашим подарком юбиляру, поэтому некоторые из представленных здесь текстов могут немного отходить от строгих стандартов нашего журнала. Идея проведения этого круглого стола возникла весной, однако известные события 24 февраля настолько повлияли на состояние многих поклонников творчества Г.Л. Тульчинского, что они не смогли вовремя сконцентрироваться для подготовки своих текстов. Но некоторые – смогли, и их тексты представлены далее в двух основных тематических разделах выпуска журнала – «Политическая философия» и «Эксперты и политика». Завершает этот выпуск избранная библиография, в которую мы включили только монографии и учебные пособия юбиляра. Их оказалось ровно 76 – что соответствует 76-му году жизни их автора, который начался 3 августа.

На мой взгляд, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Григорий Львович Тульчинский являет собой пример настоящего петербургского интеллигента-ученого, универсально образованного и уже оставившего свой важный след в различных направлениях наук об обществе – философии, логике, культурологии, политологии – и это далеко не полный перечень таких направлений. Кроме того, у Тульчинского всегда присутствует чувство юмора и, что главное, самоиронии. Его участие в создании коллектива нашей кафедры прикладной политологии, сотрудником которой он стал еще в 2008 г., а затем и одноименного департамента было очень важно. Он всегда был бесспорным примером для остальных преподавателей. Один из инициаторов наших «Октябрьских чтений», Григорий Львович неизменно придает им особый блеск. Так, для «Октябрьских чтений – 2022», которые состоятся 20–22 октября, он предложил такую тему круглого стола: «Доверие и справедливость как предпосылки баланса прав и ответственности».

А.Ю. Сунгуров, главный редактор

Деменчонок Эдуард

Свобода и ответственность личности в свете диалогической философии

Деменчонок

Эдуард Васильевич –

Университет Форт Валлей, США

Для связи с автором:
edemench@gmail.com

Для цитирования:

Деменчонок Э.В. Свобода и ответственность личности в свете диалогической философии //

Публичная политика. 2022.

Т. 6. № 1.

Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_1_8

Аннотация

Статья посвящена анализу философского концепта личности как субъекта политики в контексте исследований профессора Григория Тульчинского.

Ключевые слова: Свобода, личность, ответственность, Тульчинский, Бахтин.

Demenchonok Eduard

Freedom and responsibility of the individual in the light of dialogic philosophy

Demenchonok Eduard V. –

PhD, professor

Fort Valley State University, USA

To contact the author:

edemench@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of the philosophical concept of personality as a subject of politics in the context of research by Professor Grigory Tulchinsky.

Keywords: Free, individual, responsibility, Tulchinsky, Bakhtin.

Мы являемся свидетелями (и участниками) глубоких перемен в поведении и сознании людей, в функционировании политических демократий и в системе международных отношений. Все большей критике подвергаются бытовавшие иллюзии относительно либерализма и неолиберализма. Очевидной становится дисфункциональность институтов, которая компенсируется неототалитарной эффективностью в манипулировании сознанием и поведением людей, особенно посредством политических технологий и средств массовых коммуникаций информационного общества. В поисках альтернатив на смену традиционным представлениям о политике как институтах и властных структурах приходит понимание политики как сферы отношений – точнее, как практики отношений или как отношений на практике. Но коль скоро речь идет о властных отношениях, то на передний план выступают акторы или действующие лица этих отношений, индивидуально и коллективно. Основой их выбора и поступков являются не просто интересы, как их могут понимать, но и мировоззренческие установки и базовые моральные ценности. Таким образом, в центре политики¹ становится личность, ее сознание и поведение, «человеческий фактор». Если же говорить о запрашиваемой разумной и общественно-ответственной политике, то в центре ее становятся ожидаемые ответственные поступки лидеров и политических акторов.

Современный поворот к пониманию роли личности как субъекта политики, а еще шире – как субъекта культурно-исторического творчества, обосновывается в работах Григория Львовича Тульчинского. Философскую основу этому он находит в работах отечественных мыслителей, таких как Михаил Михайлович Бахтин и Николай Михайлович Бахтин. Среди многочисленных трактовок М.М. Бахтина ключевым в его понимании является акцентировка личностного, персонологического ядра его диалогической философии. Это раскрывается Тульчинским на материале анализа ранних, собственно философских работ М.М. Бахтина, прежде всего «К философии поступка». Важно, что диалог понимается не тривиально как «разговор» или «коммуникация», а концептуально как тип отношений, основывающихся на принципах взаиморезуважения и равноправия участников, искреннего стремления понять позицию другого и найти взаимоприемлемые решения обсуждаемых проблем.

Как показывает Тульчинский, в центре диалогической философии Бахтина – развитая концепция личности. Она противостоит солипсизму декартовского *cogito* с бифуркацией субъекта и объекта, обосновывавшего атомистичный индивидуализм буржуазного «искателя выгоды». У Бахтина личность рассматривается в отношении с «другим» – с другой личностью и с трансцендентным «Абсолютно Другим». Из архитектоники отношения «Я – Другой»

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020.

выстраивается онтология, а из отношения «Я к Другому» – этика. В этих отношениях «Я – Другой» сохраняются различия каждого и напряженность «неслиянно-нераздельного». Они не исключают противоречий. Но при этом обосновывается нормативно необходимый диалогический характер отношений как искомый идеал и возможность, как основа взаимопонимания и взаимопользовательного сотрудничества.

Мысль Бахтина о том, что диалогические отношения имеют почти универсальный характер, развивается применительно к сознанию и внутреннему миру личности, к межличностным отношениям, к отношениям в культуре и политике. В этой всеохватывающей системе отношений уровень культуры путем сложных опосредований связан с уровнем личности, конкретных индивидов. Таким образом, говоря о диалоге относительно культуры, необходимо иметь в виду его личностную основу. Излишне частое, а иногда и неадекватное употребление понятия «диалог культур» может создавать впечатление, будто речь идет об отношениях культур как объективированных искусственных образований, существующих и действующих вне мира человеческих взаимоотношений. Однако обезличивающая объективация (овеществление) не оставляет места для диалога: вещи не могут быть в отношениях диалога. Если, допустим, следовать логике объективации, то в гносеологическом плане отношение познающего субъекта к культуре было бы как к «объекту» и «вещи», подобно тому как это имеет место в естественных науках. Однако культура – это сфера и продукт человеческой деятельности, творчества. В отличие от естественных наук («мысль о мире»), гуманитарные и общественные науки исследуют людей и их духовный мир, мир культуры и общественных отношений, к которому причастны также и сами познающие субъекты («мысль, ощущающая себя в мире») [Бахтин 1986, с. 384].

Здесь знание относится к пониманию. Бахтин говорил о «понимании смысла» культурных образований и характеризовал понимание как «видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать самоосмысленного явления» и подчеркивал «диалогичность понимания» [Бахтин 1996, т. 5, с. 9]. Он называл это творческим пониманием, которое в процессе интерпретации высказанного или написанного другим текстом порождает новый смысл. Исследователь (как познающий субъект) вступает в диалог с художественными произведениями и литературными текстами, авторами и персонажами как «субъектами», что придает исследованию или теории диалогический характер. Познавательная деятельность сочетает диалогическую активность познающего другого субъекта и диалогическую активность познаваемого субъекта.

Понимание смысла культурных образований обогащается с позиций участной вменяемости: «Великое дело для понимания – это *вменяемость*

понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять... В области культуры венаходимость – самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин 2002, т. 6, с. 457]. Новые смыслы рождаются в новых контекстах, и «нет ни первого, ни последнего слова, и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее)», и у каждого смысла будет свой праздник возрождения в «большом времени» [Бахтин 1986, с. 393].

Развивая эту мысль, Бахтин пишет: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, “чужим” смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин 2002, т. 6, с. 457].

Примечательно, что здесь имеется в виду не диалог в буквальном смысле, а «как бы *диалог*» в условно-сравнительном, метафорическом смысле. Выражение «диалог культур» – это метафора, хотя и эвристически плодотворная как понятие, описывающее взаимовлияние культур. При этом не следует забывать, что реальный диалог происходит между людьми, представляющими разные культуры. Говоря о диалоге относительно культуры, важно иметь в виду его личностную основу. В диалог вступают не абстрактные культуры, а конкретные личности, носители и творцы культур. Это подчеркивается Тульчинским, который сохраняет личностное, персонологическое ядро бахтинской диалогической философии при рассмотрении нормативности отношений диалога в «объективированных» сферах культуры и политики. Диалогические отношения рассматриваются на различных уровнях: межличностном, межкультурном, социальном и международном. Межкультурный диалог может служить примером для межнациональной и международной политики.

В бахтинской диалогической философии Тульчинский находит идеи для понимания человека, этики и общества. С позиций гуманистической традиции он рассматривает проблему рациональности и подчеркивает «персонологичность рациональности». Он критикует узко понимаемую «техническую» или «инструментальную» рациональность, оторванную от человека и довлеющую над ним, ограничивающую его свободу и препятствующую диалогическим отношениям. Критика такого понимания рациональности, представленной структурами власти и насилия, давалась, например, Мишелем Фуко, который в своих поздних работах намечал альтернативу этому в новой философской антропологии, «практике себя» и новой этике как «практике свободы». Духовное измерение этой альтернативы артикулировано в «синергической антропологии» Сергея Хоружего.

С этими поисками созвучна идея Тульчинского о необходимости нового понимания человека. Перед лицом различных экзистенциальных угроз,

которые бросают вызов нам, гражданам мира, на пути к воплощению нашей общей человечности, вопрос стоит о том, «как учиться быть человеком». В горизонте такого переосмысления человек связан с другими и с миром, с природой. Сущность человека с этой точки зрения не «технична», а «космична» – в его единстве и сопричастности целостной гармонии мира, в его зависимости от других в собственной самореализации как системной взаимности, как «собор со всеми в человеческой душе». Тульчинский подчеркивает, что современный человек, если он желает учиться быть таковым, а не техническим средством цивилизации, должен осознать себя «космически», а не просто суммой знаний и умений. Точно так же и современная культура не есть набор технологий, их знаков, программ деятельности и групповых интересов. Современная культура рассматривается как путь возвышения человека, как культура духовного опыта, освобождающего как от внешней зависимости, так и от самозванства.

Тульчинский критикует «самозванство абстрактного рационализма» и «техническую рациональность», сводимую к инженерийной «сделанности» вещи и к программе эффективной (успешной) деятельности. Теоретичность и рациональность не цель, а лишь средство обоснования человеческих поступков. Все это, по его мнению, составляет ткань осмысления, но оно вторично по сравнению с познанием меры и глубины свободы и ответственности. Разум и рациональность вторичны, а первична ответственность как соотнесенность с другими, с миром, совесть как признание прав других, диалог с ними. В онтологии, по Бахтину, человеческое бытие суть со-бытие с другими, а сознание – не что иное, как совесть. В сознании (совести) реализуется личная экзистенция человека, и оно требует личных усилий понимания происходящего. Долженствование человеческого действия не определяется однозначно истинностью имеющегося знания и теоретического рассуждения. Мир человека – мир личностный, он не случайный, а наполненный ответственным выбором. Центром этой ответственности является личность, занимающая неповторимое, а значит, и ответственное, место в ткани бытия. По Бахтину, поступок не иррационален, он просто «более чем рационален – он ответственен». Речь идет об онтологической изначальности ответственности, о принципиальной неизбывности не-алиби-в-бытии человека, первичности его ответственности по отношению к любым формам активности.

Тульчинский отстаивает безусловное признание абсолютно свободной воли. Но в отличие от картезианского солипсизма, антропоцентричного индивидуализма и «рационального эгоизма», он подчеркивает межличностный характер отношений и неразрывную связь свободы и ответственности. Отказ от признания свободы выбора означал бы крушение любой этической системы, нравственности и права. Единственность и первичность ответственности

личности за любые проявления своей активности – краеугольный камень любого права и любой нравственности. В новом свете предстает этика. Ответственность, долг и вина личности абсолютны и изначальны. Внутренним гарантом чувства собственного достоинства является долг, самоотдача, самоограничение, самоопределение. Но это долг – не навязываемый извне, а осознанное личностью собственное призвание и нравственный выбор. Нравственен только долг «внутренний», взятый на себя самим человеком, а этика долга возможна только в качестве «внутренней», субъективной, применительно к самому себе, «когда ты оказываешься обязанным всем, но тебе – никто». Ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, – это и есть этика. Как бы это ни звучало на первый взгляд парадоксально, свобода от мира – не что иное, как ответственность за него. Чем шире зона моего автономного поведения, тем шире зона ответственности. (Карл-Отто Апель называл это «соответственностью», то есть совместной или коллективной ответственностью за действия, могущие затрагивать других и в конечном итоге все человечество.) И наоборот: та сфера, которую я беру на себя, за которую ответственен, и есть сфера моей свободы, а человек тем этичнее (свободнее–ответственнее), чем шире эта сфера. В наши дни этическое самоопределение в смысле очерчивания предела свободы и ответственности распространяется уже практически на весь мир. Для общества и для личности в нынешних условиях научно-технического прогресса они совпадают, включая среду обитания не только одного человека, но и природу в целом.

Идеи нового понимания человека и этики Тульчинский связывает с философией политики. Сфера политики, равно как и сферы экономики и образования – не самодостаточны, а имеют своей конечной целью человека. Тульчинский предлагает понятие «космической рациональности» как целостности, изначально ориентированной на выстраивание баланса и гармонизацию взаимодействий как отношений диалога, свободного от принуждения и насилия. Космическая рациональность включает в себя как одну из сторон техническую рациональность, но лишь как средство, подчиненное морально оправданным целям свободной личности. В этих условиях сама техническая рациональность приобретает характер инструмента выявления возможных последствий, ответственности за них. Она может служить определению социально-психологических предпосылок выстраивания оптимальных и эффективных отношений в обществе, консолидации и оптимизации интересов всех участников социальной жизни.

Тульчинский выделяет определенную тенденцию в процессах, касающихся самых разных областей жизни: их зависимость от личностного (персоналогического) фактора. Эта общая тенденция выражена и в эволюции

философствования в сторону культурологии и персонологии. Человеческая личность – цель, средство и результат любых общественных процессов и преобразований. Поэтому принципиально важен учет возможных последствий для перспектив личностного развития. Это важно и для развития общества в целом, которое запрашивает сознательных и активных граждан (в противовес охлосу «массового общества», манипулируемому неототалитарно-олигархическим «глубинным государством» [deep state]). Возрастает зависимость политической жизни от личности лидеров, их способности понимать ожидания граждан. Современная деловая активность также носит все более индивидуализированный характер.

Политические институты, право и закон представляют собой формализованную часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности, которая фиксирует закрепляемые нормы социальной жизни. Современная динамика гуманитарной культуры показывает возрастающую роль духовного опыта и мотивации личности и всего того, что принято называть «человеческим фактором». Отсюда важность социальных инвестиций и развития «человеческого капитала». В мире существуют проблемы бедности и по-прежнему остры задачи обеспечения социальной справедливости и даже условий физического выживания. Но если же говорить не о реально наблюдаемой регрессии, усугубляемой геополитикой гегемонизма, которая препятствует решению глобальных проблем, а об условиях развития общества и достойной жизни граждан, то ключом к этому является свободное развитие личности. Отнюдь не роскошью, а запрашиваемой нормой становятся представления о качестве жизни – полноценной жизни и личностном благополучии, включающем психологическое здоровье и возможности этнического и конфессионального самоопределения.

Тульчинский конкретизирует свой подход и предлагает ряд практических рекомендаций. Например, оценку проектов и решений, процедура которой использовала бы потенциал техничной рациональности для реализации установки рациональности космичной. Для этого необходимо введение в социальную практику института гуманитарной экспертизы, позволяющей оценивать возможные последствия принимаемых решений для человека и общества в целом. Ученый отмечает такие ее особенности, как нормативно-ценностное содержание, персонологический характер, ориентация на обеспечение баланса интересов и консолидацию общества, обеспечение возможности социально ответственного личностного выбора.

То, что предлагает Тульчинский, – не утопия, а трезво-реалистичное понимание условий возможности прогрессивного развития общества. Эти условия вполне осуществимы и в человеческих силах, если политика – вместе с общественным сознанием, политической культурой и институтами –

обратится «лицом к человеку», станет не ареной взаиморазрушительной воли к власти, а политикой с «человеческим лицом», практикой отношений, основанных на принципах диалога. Философия помогает осознанию этого.

Философские взгляды Тульчинского противостоят детерминистским представлениям о культурном и историческом развитии, которые оправдывают бездействие либо фаталистическими резиньжаниями, либо благодушным упованием на самотек «прогресса». Свобода предполагает ответственность. Это напоминает личности о «нудильной обязательности» поступка и моральной ответственности (а также солидарной со-ответственности во взаимосвязанном мире). Свобода человека как носителя и творца культуры, сопрягаемая с ответственностью, позволяет ему вносить свою лепту в развитие культуры и общества. Реализация возможностей развития диалогических отношений зависит в конечном итоге от самих людей как субъектов культурно-исторического творчества, от каждого из нас.

Источники

Бахтин М.М. 1986. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство. 445 с.

Бахтин М.М. 1996. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов / ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили. М.: Языки русской культуры. 731 с.

Бахтин М.М. 2002. Собрание сочинений. Т. VI: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М.: Языки славянской культуры. 801 с.

Акопов Сергей

Философия поступка и политика одиночества

Акопов

Сергей Владимирович –
доктор политических наук,
профессор департамента
политологии и международных
отношений, НИУ ВШЭ – СПб

Для связи с автором:
sergakopov@gmail.com

Для цитирования:

Акопов С.В. Философия
поступка и политика одиночества //
Публичная политика.
2022. Т. 6. № 1.
Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_1_17

Аннотация

Статья развивает идеи книги
Г.Л. Тульчинского о философии по-
ступка в отношении такой категории,
как «транснациональная политика
одиночества».

Ключевые слова: философия
поступка, Григорий Тульчинский, по-
литика одиночества, транснацио-
нальная идентичность.

Akopov Sergei

Philosophy of act and the politics of loneliness

Dr. Sergei Akopov –

National Research University Higher School of Economics, Doctor of political sciences, Professor at the Department of Political Science and IR, St. Petersburg

*To contact the author:
sergakopov@gmail.com*

Abstract

The article develops the ideas of Gregory Tulchinsky's book on the philosophy of action in relation to such a category as "transnational politics of loneliness".

Keywords: the philosophy of act, Gregory Tulchinsky, politics of loneliness, transnational identity.

Одна из последних книг Г.Л. Тульчинского посвящена философскому анализу «поступка» как феномена, в котором реализуется взаимодействие знаний, убеждений, личностных устремлений и объективных обстоятельств, а также действий и оценки их результатов [Тульчинский 2020]. Как отмечает сам автор, при анализе концепта поступка фокусируются практически все современные философские проблемы: объективного и субъективного, материального и идеального, свободы и необходимости, детерминации и случайности, причины и следствия, социального и индивидуального, рационального и иррационального. И здесь можно сказать, что предложенная автором новая трактовка феномена поступка в качестве вменяемого действия в современном цивилизационном контексте тотальной цифровой медиатизации действительно открывает читателю новые горизонты понимания таких важных философских аспектов, как свобода воли, соотношение свободы и ответственности, а также востребованность гуманитарных наук в современном мире.

Справедливо было бы отметить, что эта книга является систематизирующей для многих аспектов творчества Г.Л. Тульчинского. Она написана как переключка с его же книгой тридцатилетней давности и, так или иначе, вобрала в себя практически все появившиеся за это время его новые теоретические разработки и достижения. На мой взгляд – взгляд заинтересованного читателя и коллеги Г.Л. Тульчинского, – во-первых, эта книга вносит значительный вклад в прояснение и изучение философии поступка М.М. Бахтина на фоне относительной неразработанности этой тематики в отечественной литературе (сейчас можно встретить больше работ по Бахтину на английском языке, чем на русском). Во-вторых, «Философия поступка» дает импульс для дальнейшего переосмысления и становления «поступка» как специфически российской философемы и одновременно как предмета отечественной философской персонологии (в том числе по линии Н.А. Бердяев – С.Л. Франк – М.М. Бахтин). Автор вводит в круг рассматриваемых предметов такие важные проблемы, как социальная и политическая ответственность человека, взаимоотношение этики и политики, проблематика гуманитарной экспертизы, «дегуманизация» современного общества и перспективы новой метафизики нравственности. В-третьих, философское исследование Г.Л. Тульчинского заполняет ряд лакун, в частности, в разработке идей «глубокой семиотики» и «стереометрической семантики», концепта «автопроективности личности», модели «социогенеза», классификации политических культур, оценки эффективности социально-культурных практик в проблематиках воли, успеха, соотношения нарративов и перформативов в коммуникации и многих других. Наконец, не менее важной становится разработка в современном обществе понятий «чувства собственного достоинства» и «нравственного долга» человека как «участного мышления» (использован термин Михаила и Николая Бахтиных).

В этом смысле само творчество Г.Л. Тульчинского может быть признано соответствующим его же критерию ответственного поступка: «...действие долженствующей единственности человеческой жизни. То, что может быть совершенно мною, никем и никогда не будет совершено» [Тульчинский 2018: 410].

Тульчинский самокритично признает, что не одна монография не может претендовать на исчерпывающий анализ всего многообразия сторон поступка – и как концепта, и как феномена. Что его (даже такой обширный философский обзор на 826 страницах) не может обеспечить глубинное проникновение в каждый из изучаемых аспектов. Мне представляется, что философия поступка Г.Л. Тульчинского может быть интересно развита через анализ концепции политики одиночества и транснациональной идентификации. Под последней я понимаю управление экзистенциальной потребностью человека в преодолении одиночества и стремление к принадлежности какому-то политическому сообществу. Большинство людей традиционно стремится принадлежать к национальному сообществу, однако есть индивиды, испытывающие «транснациональную боль», которая не позволяет им полностью вписаться в коллективы, организованные на основе идеи нации или национального государства. Здесь я, развивая известную идею Карла Ясперса, что человек живет аутентичной жизнью именно в пограничной ситуации (например, когда испытывает боль, находится в тюрьме или на войне). Для таких индивидов «философским поступком» можно считать осознанный выбор транснациональной идентификации.

Принято считать, что понятие транснационализма ввел американский интеллектуал, писатель и журналист Рандольф Силлиман Борн. В 1916 г. он опубликовал работу «Транснациональная Америка», в которой обвинил англосаксонскую политическую элиту США в предательстве идеалов демократии и в том, что они пытаются использовать последнюю как прикрытие для оправдания милитаризма и дальнейшего развязывания Первой мировой войны. Идея «транснациональности» родилась как некоторый компромисс между патриотизмом и культурным плюрализмом, национализмом и пацифизмом на фоне практических трудностей ассимиляции и интеграции неанглосаксонских меньшинств в США в начале XX в. Борн также употреблял «транснациональное» применительно не к государствам, но к уровню отдельных индивидов, пытавшихся интегрироваться в американское общество на принципах культурного плюрализма [Bourne 1991].

Отдельно следует выделить такое понятие, как транснациональная идентификация индивида. К социально-историческим предпосылкам становления последней можно отнести формирование «информационной» и «глобальной» экономики нового типа; процессы «интернетизации» и культурной креолизации; расширение мультилингвизма; развитие составной политической

идентификации и др. Носителями транснациональной идентификации (и, собственно, практик транснационализма) можно считать таких субъектов, как «трансмигранты», «глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы». Вместе с тем важно отличать «транснационализм» от разных форм «космополитизма» и «национализма». Обычно транснационализм не отрицает полностью национальное, но скорее представляет собой надстройку над несколькими национальными сообществами – например, в форме двойного гражданства.

Сегодня, когда быстро меняется содержание ключевых концептов политической науки и возникают новые идеи и концепции, важные для осмысления политических современных реалий, мне представляется обязательным учитывать, что поступок человека отражает его выход из одиночества, который им осуществляется через необходимость соотнесения себя с языком и культурным пространством национального государства либо транснационального сообщества нового типа.

Источники

Тульчинский Г.Л. 2018. *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. СПб.: Алетейя. 293 с.

Тульчинский Г.Л. 2020. *Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе*. СПб.: Алетейя. 826 с.

Bourne R. 1991. *The Radical Will: Selected Writing, 1911–1918*. New York.

Беляев Игорь

Инфляция смыслов в современной политике

Беляев

Игорь Александрович –

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
культурологии и социологии
Оренбургского государственного
университета*

*Для связи с автором:
igorbelyaev@list.ru*

Для цитирования:

*Беляев И.А. Инфляция
смыслов в современной
политике //*

Публичная политика. 2022.

Т. 6. № 1.

*Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_1_22*

Аннотация

Инфляция смыслов определяется в статье как проявление тенденции к обесцениванию жизненных реалий, отрывающее их от собственной сущности, лишаящее их четко очерченного места в действительности, и рассматривается как атрибут современной политики. Отмечаются особенности объективации инфляции смыслов, свойственных политике. В дискуссионном плане утверждается, что в наши дни концентрированным выражением политики стала экономика. С опорой на концепцию Д.В. Пивоварова показывается, что конституирование смыслов политики является функцией идеалов культуры, однако современное состояние отечественной культуры препятствует должной реализации этой функции.

Ключевые слова: смыслы, инфляция смыслов, дефляция смыслов, современная политика, культура, идеалы культуры.

Belyaev Igor

Inflation of meanings in modern politics

Belyaev Igor A. –

*Doctor of Philosophy, Professor
of the Department of Philosophy,
Cultural Studies and Sociology of
Orenburg State University,
Orenburg*

*To contact the author:
igorbelyaev@list.ru*

Abstract

The inflation of meanings is defined in the article as a manifestation of the tendency to devalue the realities of life, tearing them away from their own essence, depriving them of a clearly defined place in reality and is considered as an attribute of modern politics. Noted are the features of objectification of inflation of meanings peculiar to politics. In discussion argues that economics nowadays is the concentrated expression of politics. Based on the concept of D.V. Pivovarov shows that the constitution of the meanings of politics is a function of the ideals of culture, but the current state of national culture prevents the proper implementation of this function.

Keywords: meanings, inflation of meanings, deflation of meanings, modern politics, culture, ideals of culture.

Идея концептуализирующего сопряжения понятий политики и смысла является актуальной. При этом на сегодняшний день она не только «носится в воздухе», но и реально разрабатывается специалистами. Наше исследование призвано внести некоторый вклад в создание теоретических предпосылок для верного понимания того, что следует подразумевать под политикой смысла и смыслом политики и каково должное соотношение этих понятий.

Непосредственная цель исследования состоит в обосновании того, что инфляция смыслов представляет собой атрибут современной политики и проецирование этой идеи на российские реалии.

Значительная часть понятий, ключевых для настоящего исследования, характеризуется многозначностью. Это с одной стороны. С другой стороны, адресаты данного текста в своем большинстве являются людьми, обладающими запасом знаний, достаточным для правильной в целом ориентации в процессе и результатах рассуждений автора. Вместе с тем все или почти все коллеги – адресаты текста – вряд ли окажутся единомышленниками автора, носителями близких информационно-интеллектуальных ориентаций. Поэтому надо признать наличие довольно весомой вероятности несовпадения представлений адресатов текста и его автора о должных значениях каких-либо понятий. Учитывая данное обстоятельство, мы будем по мере необходимости внедрять в текст элементы понятийно-терминологической рефлексии, реализуя тем самым конфуцианский принцип «исправления имен» в его гносеологизированном варианте.

Стоит заметить, что, согласно указанному принципу, названия должны соответствовать сущности. Гносеологизируя данный принцип, мы получаем эвристическую установку, применение которой позволяет осуществить достаточно эффективную настройку нашей «исследовательской оптики». Эта установка выглядит, конечно же, банальной, однако ее содержание несет в себе сермяжную правду необходимости однозначного отношения между, во-первых, обсуждаемым явлением и понятием, выступающим его репрезентантом, и, во-вторых, понятием и термином, используемым в данном конкретном случае для его обозначения. Здесь уместно вспомнить также о законе тождества (Аристотель) и о ставшем крылатым выражении «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» (Н. Буало-Депрео).

Попытаемся реализовать обозначенную установку в процессе изложения своих мыслей.

Инфляция смыслов как атрибут современной политики

Исходным для нашего исследования выступает следующий тезис: «Одним из атрибутов современной политики является инфляция смыслов». Надо полагать, что обозначение данного (как, впрочем, и каждого дискуссионного

по своей сути) тезиса диктует необходимость уточнения содержательного наполнения тех понятий, которые являются для него ключевыми. Вполне очевидно, что это понятия инфляции и смысла, а также полученное посредством синтеза их содержаний понятие *инфляции смысла*.

Начнем с понятия инфляции. Если данное понятие будет представлено исключительно в экономическом контексте, то относительно его значения в целом вряд ли возникнут сколько-нибудь серьезные сомнения. Можно, разумеется, при необходимости сделать акцент на специфике отдельных контекстадающих фрагментов экономического знания, что неизбежно выявит некоторые нюансы трактовки содержания обсуждаемого понятия. Однако у нас такой необходимости нет.

Если же рассматривать понятие инфляции в контексте философии политики, то без уточнения его значения здесь обойтись, надо полагать, невозможно. Инфляция как таковая – это обесценивание чего-либо, выступающее как тенденция. Соответственно, в интересующем нас контексте инфляция представляет собой обесценивание имеющихся жизненных, в том числе политических, реалий и/или представлений о них (что в конечном, конкретно-практическом итоге трудноразлично). Стоит заметить, что процесс обесценивания политических реалий многолик; в нем могут быть обнаружены, в частности, более или менее масштабная деградация одних составляющих и контрпродуктивная актуализация потенциала других. В любом случае инфляция в сфере политики – это утрата внутренней скоординированности составляющих политической системы, препятствующая ее эффективному функционированию, разрушающая ее как целостность.

Перейдем к понятию смысла. Специфика осуществляемого исследования диктует необходимость несколько более подробной логико-гносеологической конкретизации и детализации содержания этого понятия, характеризующегося, как отмечает Г.Л. Тульчинский, многозначностью и полидисциплинарностью [Резник, Тульчинский 2019].

С общефилософской точки зрения смысл есть не что иное, как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким планом реальности» [Шредер 2010: 576]. Являя собой объективное содержание феномена, смысл выступает основой социальной жизнедеятельности [Тульчинский 2019]. Важно подчеркнуть также, что стихия смысла – это «не материя и не энергия, а информация» [Пивоваров 2003: 253]. Интерпретируя содержания представленных формулировок, допустимо заявить о том, что смысл всякого фрагмента действительности, в той или иной степени подвластного чувственному созерцанию, есть нечто, истекающее из его сущности, находящееся за его собственными пределами, но не выходящее за рамки информационного контекста его существования

и фиксирующее его в этих рамках. Наряду с этим сам «смысл нередко изменчив, текуч, многолик, часто не фиксирован в своих границах» [Ремарчук 2019: 12], что делает его раскрытие, а тем более социокультурно приемлемое конструирование, крайне непростой задачей.

Теперь, после уточнения эвристически ценных для нашего исследования вариантов значений понятий инфляции и смысла, у нас есть возможность осуществить синтез их содержаний. Думается, что полученное посредством данной операции понятие может быть определено следующим образом: *«Инфляция смысла – это проявляющееся как тенденция обесценивание жизненных реалий, отрывающее их от собственной сущности, лишаящее их четко очерченного места в действительности».*

Всякий феноменально отображаемый фрагмент действительности обладает (не может не обладать) собственным смыслом. Соответственно, люди, имеющие дело с конкретным феноменом, обычно выступают носителями более или менее точных, в разной степени осознанных представлений о том, в чем именно заключается его смысл. Существует, правда, некоторая вероятность смещения смысла постигаемого феномена с приписываемыми ему значением и ценностью и, как следствие, его затуманивание. Во избежание запутывания познавательной ситуации заметим, что под значением допустимо понимать объект, обозначаемый другим объектом, выступающим в роли знака. Что же касается ценности, то она представляет собой свойство объекта, позволяющее ему быть полезным субъекту, способствовать удовлетворению его потребностей.

Политическая система – это сложноорганизованное единство многообразных феноменов – организационных, культурных, нормативных и коммуникативных реалий. Каждый из этих феноменов, с одной стороны, в смысловом отношении с разной степенью тесноты связан с иными феноменами, но, с другой стороны, он обладает также собственным индивидуальным смыслом. Смыслы феноменов, в совокупности составляющих политику как таковую, в наши дни неизбежно и причем достаточно явственно подвергаются инфляции.

В политической сфере общественной жизни имеет место объективно разрушительная тенденция обесценивания присущих ей отдельных феноменов, их деградация и/или контрпродуктивная вненормативная актуализация. Процессуально-результативные проявления этой тенденции находят концентрированное выражение в инфляции смыслов в политике. Данная тенденция имела и будет иметь место во все времена. Если общество переживает политические катаклизмы и социальные потрясения, то эта тенденция обостряется. Но, по большей части, ее реализация уравновешена реализацией противоположной тенденции, порождающей, соответственно, дефляцию смыслов в политике. Существование всякой политической системы предполагает воплощение

в жизнь обеих тенденций. При этом функционирование политической системы будет устойчиво эффективным только тогда, когда процессы инфляции смыслов не доминируют над процессами их дефляции. Однако в наши дни вести речь об этом стоит только с точки зрения отсутствия необходимого.

Порождение смыслов в современной политике и объективация их инфляции

Здесь надо прежде всего заметить, что процессы политического смыслообразования во все времена протекали на фоне социокультурной действительности, несли на себе печать ее влияния. Порождение смыслов, их кристаллизации в символических формах и технологии передачи адресантам всегда имели определенную социокультурную окраску. В наше время социокультурная действительность не только сохранила возможность влиять на становление политических смыслов, но и обрела необходимые для этого новые, социально-технологические информационно-цифровые ресурсы.

Проблема социокультурного конструирования смыслов применительно к сфере политики не раз оказывалась в фокусе внимания исследователей [Малинова 2013; Митрохина 2014; Михайленок, Назаренко 2020; Мчедлова 2013; Ремарчук 2019; Шатина 2007 и др.]. Между тем целостного, корректно концептуализированного комплекса представлений о должном и возможном в разрешении этой проблемы пока не выработано.

В наши дни идеям, выдвигаемым политическими акторами, обладающими должными ресурсами, технологически грамотно придается форма, благоприятствующая их усвоению широкими массами людей, выстраиванию из них соответствующих коллективных представлений. Эти «представления несомненно оказывают влияние на поведение, задавая репертуар смыслов, на основе которого интерпретируются события и интересы» [Малинова 2013: 23]. Указанное обстоятельство, казалось бы, достаточно наглядно свидетельствует о том, что отбор и трансляция смыслов, обладающих значительным потенциалом социокультурной востребованности, должны осуществляться политическими акторами осторожно, исходя из принципа «не навреди». Однако подлинное положение вещей имеет мало общего с процессами и естественными результатами воплощения данного принципа в жизнь. Более того, вновь образованные и реально распространившиеся в обществе «смыслы, как показывает практика их реализации, формируют не только будущее, но и меняют прошлое в угоду политическим интересам интерпретатора» [Ремарчук 2019: 16]. Интерпретаторов такого рода много; их интересы, а также потенциалы смыслопорождения и смыслораспространения варьируют весьма широко. Поэтому современная практика политического смыслообразования делает малопредсказуемым не только будущее, но и прошлое.

Обратим внимание и на утрату гармонии между традициями и инновациями в политическом смыслообразовании, вследствие чего прогностическая продуктивность осмысления цивилизационного опыта и интенсивность формирования смыслоразмерных социокультурных установок устойчиво демонстрируют тенденцию к понижению.

Стоит ли, осознавая все это, сомневаться в том, что процессы осмысления и переосмысления отдельных политических феноменов, как и конструирование смысловых комплексов применительно к политике в целом, протекают в условиях приоритетного учета и реализации сугубо частных, порой ситуационных интересов тех или иных политических сил? Конечно же не стоит. По сути дела, социокультурно санкционируемое порождение политических смыслов есть неотъемлемая составляющая процессов воплощения в жизнь чьих-либо интересов, доподлинно известных только ограниченному кругу посвященных. Заметим, что подлинных бенефициаров этих процессов обычно трудно установить, к публичности они не стремятся.

Вспомним высказывание, еще сравнительно недавно полагавшееся абсолютно истинным, по крайней мере, в нашей стране: «Политика есть концентрированное выражение экономики» [Ленин 1970: 278]. Автор этого высказывания более чем столетней давности был, скорее всего, прав применительно к реалиям своего времени. В наше же время безоговорочно согласиться с ним весьма затруднительно. Сегодня положение дел изменилось с точностью едва ли не до наоборот; думается, что теперь истинным придется признать, пусть и с некоторыми оговорками, высказывание: «Экономика есть концентрированное выражение политики».

Если данное обобщение верно отражает соотношение политики и экономики в современном мире, то стоит безотлагательно задуматься о причинах происходящего, которые, скорее всего, так или иначе будут связаны с инфляцией смыслов, присущих феноменам, локализованным в сфере политики.

Надо полагать, что для дальнейшего осуществления изысканий эвристически весьма ценной может стать актуализация некоторой части богатейшего содержания понятия культуры. И если исследователь смыслов политики признает культуру генератором осмысления и смыслообразования [Тульчинский 2019], то перед ним возникнет широкий спектр векторов развития собственных представлений о постигаемом объекте. Исходя из этих соображений, мы обращаемся к концепции культуры как идеалообразующей стороне жизни людей [Пивоваров 2004; Пивоваров 2009 и др.].

Главенствующей глубинной общецивилизационной предпосылкой активизации инфляции смыслов современной политики следует признать десакрализацию идеалов культуры, во многом, как мы писали ранее, являющуюся порождением информатизации общественной жизни, атрибутом

информационной эпохи [Беляев 2018]. Если в прежние времена сакральные идеалы культуры (а всякий идеал есть особо ценная идея [Пивоваров 2009], идея-родоначальник [Пивоваров 2004]) вполне эффективно конституировали смыслы, то в настоящее время пространство возможностей успешной реализации этой функции сжимается, как бальзаковская шагреньевая кожа.

Российская специфика инфляции смыслов в политике

Особой остротой проблема десакрализации идеалов культуры и, как следствие, инфляции смыслов в политике обладает применительно к российской действительности. И это немудрено. Дело в том, что наша отечественная культура пребывает в кризисном, воистину трагическом состоянии [Беляев, Максимов 2019].

Согласно упомянутой выше концепции Д.В. Пивоварова, культура может рассматриваться как двухэлементное образование. Первый, центральный элемент – твердое ядро – представляет собой сакральный текст, выступающий носителем и источником сакральных же идеалов. Второй, периферийный элемент – защитный пояс – есть, в свою очередь, средоточие профанных идеалов, которые, будучи вторичными по отношению к сакральным идеалам, закрепляются в различных сферах ценностного мироотношения (в частности – в интересующей нас политике) и материализуются в бытовой, производственной, научно-технической и социально-преобразующей практике.

В XX в. отечественная культура дважды претерпевала разрушение своего твердого ядра. До 1917 г. твердое ядро российской культуры составляла Библия, представляющая собой сакральный текст христиан. Спустя некоторое время после известных революционных событий содержание твердого ядра отечественной культуры изменилось категорическим образом; на место Библии пришел другой текст – Программа Коммунистической партии. Замена одного основополагающего сакрального текста на другой породила множество различных социокультурных проблем, разрешение которых происходило, как правило, в рамках процессов, весьма болезненных для общества и его членов. Постепенно, по мере того как новое твердое ядро обретало легитимность, эти проблемы утратили остроту, а затем в большинстве своем ушли в небытие.

Во второй половине XX в. отечественная культура вошла, казалось бы, в состояние в целом продуктивного, динамического равновесия. Однако после 1991 г. Программа Коммунистической партии перестала играть роль твердого ядра отечественной культуры как де-юре, так и де-факто. Но никакой иной сакральный текст до сих пор не взял эту роль на себя. Сегодня наша культура во многом существует за счет прочности защитного пояса, за счет жизнестойкости ранее сформировавшихся профанных идеалов, которые

зафиксировались в мироотношении общества и его членов в виде светских идей. Но если ранее эти идеи не входили (да и не могли сколько-нибудь ответственно входить) в противоречие с доминирующими жизненными реалиями, то теперь, не имея достаточно надежной опоры в твердом ядре, они лишлись стимулирующих влияний с его стороны и существенным образом утратили иммунитет к разрушительным влияниям новых реалий.

Отечественная культура продолжает существовать, но, что неизбежно в нашей ситуации, постепенно разрушается. Ее способность к сохранению статус-кво пока позволяет ей «удерживаться на плаву», но не обеспечивает наличия реальных возможностей развития. Лишенная функционирующего твердого ядра, а значит, потерявшая созидательный потенциал сакральных идеалов, которые остались где-то «за кадром», наша культура практически полностью перестала конституировать смыслы. Конечно, профанные идеалы в какой-то степени взяли на себя функцию конституирования смыслов, но эта степень крайне мала.

Приходится констатировать, что смысловая подпитка отечественных политических реалий происходит явно недолжным образом, причем сколько-нибудь надежная перспектива изменений в нужную сторону сегодня не прослеживается. Поэтому в обозримом будущем положение дел с инфляцией смыслов в политике вряд ли изменится.

Заключение

Резюмируя изложенное выше, допустимо сформулировать ряд положений, содержание которых, как представляется, достаточно объективно воспроизводит некоторые особенности смысловой стороны политики как сферы общественной жизни. Во-первых, смыслы феноменов, в совокупности составляющих политику, формируются в определенном социокультурном контексте и с той или иной степенью полноты и точности отражают его специфику. Во-вторых, одной из функций сакральных идеалов культуры является конституирование смыслов феноменов, социокультурно легитимизированных и локализованных, в частности, в политике. В-третьих, информатизация общественной жизни способствует десакрализации идеалов культуры, что, в свою очередь, уменьшает присущий им потенциал смыслопорождения, в том числе применительно к политике. В-четвертых, атрибутом современной политики является инфляция смыслов. В-пятых, устойчиво эффективное функционирование политической системы возможно тогда, когда объективно вредные для нее последствия инфляции смыслов нейтрализуются последствиями их дефляции.

Полагаем, что к числу перспективных направлений дальнейших исследований допустимо отнести:

- 1) разработку понятийно-терминологического аппарата, применение которого позволяло бы верно отображать нюансы содержания смысловой стороны современной политики;
- 2) критическое и конструктивное «осмысление» сложившихся представлений о смыслах современной политики;
- 3) раскрытие особенностей места и роли политики в современной культуре;
- 4) изучение наличного состояния и прогнозирование изменений причинно-следственных связей между политикой и экономикой;
- 5) выявление причин возникновения и социокультурных механизмов осуществления инфляции смыслов в современной политике.

Источники

- Беляев И.А. 2018. Базовые идеалы современной культуры в контексте идей Д.В. Пивоварова. – *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. № 10. С. 64–66.
- Беляев И.А., Максимов А.М. 2019. Кризис современной отечественной культуры в контексте идей Д.В. Пивоварова. – *Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. Екатеринбург, 1–3 ноября 2018 г.* Екатеринбург: Деловая книга. С. 314–317.
- Ленин В.И. 1970. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы. 5-е изд. Т. 42. С. 264–304.
- Малинова О.Ю. 2013. *Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России*. М.: РАН ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований. 421 с.
- Митрохина Т.Н. 2014. Ценности и смыслы современной Российской политики: дискурс-анализ пресс-конференций главы государства. – *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. № 2 (51). С. 141–146.
- Михайленок О.М., Назаренко А.В. 2020. Публичная политика, развитие и институты: логика сопряжения смыслов и «забытые вещи» в новой бытийной реальности. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 179–191.
- Мчедлова М.М. 2013. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии. – *Вестник Московского университета*. Серия 18: Социология и политология. № 1. С. 83–90.
- Пивоваров Д.В. 2003. *Основные категории онтологии*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 268 с.

Пивоваров Д.В. 2004. Идеал в основании культуры: стратегия общего образования. – *Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права*. Екатеринбург. Вып. 1. С. 12–23.

Пивоваров Д.В. 2009. Проблема синтеза основных дефиниций культуры. – *Вестник Российского философского общества*. № 1. С. 157–161.

Резник Ю.М., Тульчинский Г.Л. 2019. Практическая философия смысла: разговор о насущном (28 апреля 2019 г.). – *Личность. Культура. Общество*. Т. 21. № 3–4 (103–104). С. 320–325.

Ремарчук В.Н. 2019. Управление смыслами как инструмент современной политики: технологии, вероятные последствия. – *Этносоциум и межнациональная культура*. № 2 (128). С. 9–21.

Тульчинский Г.Л. 2019. Практическая философия смысла. – *Личность. Культура. Общество*. Т. 21. № 1–2 (101–102). С. 183–196.

Шатина Н.В. 2007. Современная политика: формирование и репрезентация смыслов. – *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. № 1. С. 97–109.

Шредер Ю. 2010. Смысл. – *Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп.* М.: Изд. дом «Мысль». Т. 3. Н–С. С. 576–577.

Никольский Сергей

Идея общественного переустройства и отечественная реальность

Никольский

Сергей Анатольевич –

*доктор философских наук,
главный научный сотрудник
сектора философии культуры
Института философии РАН*

*Для связи с автором:
s-nickolsky@yandex.ru*

Для цитирования:

Никольский С.А. Идея общественного переустройства и отечественная реальность // Публичная политика. 2022. Т. 6. № 1.

Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_1_33

Аннотация

В российской философско-художественной мысли идея общественного переустройства существовала помимо и независимо от сколько-нибудь адекватного представления о социальной реальности. Знание о реальности априори каждым из мыслителей подразумевалось. Представления о том, как должно быть переустроено общество и в нем человек, составили в отечественной гуманитарной мысли с конца XVIII и до 30-х гг. XX столетия особый разнообразный по содержанию исследовательский массив, мало изученный до настоящего времени. В дальнейшем разнообразие представлений было уничтожено и заменено общей программой создания «нового советского человека». В статье в первом приближении обозначаются концепты общественного переустройства, выведенные из текстов Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.Г. Чернышевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.В. Сухова-Кобылина, А.М. Горького, А.А. Богданова, А.П. Платонова.

Ключевые слова: Россия, общество, человек, культура, история, философия, литература, реальность, переустройство.

Nickolsky Sergey

The idea of social renovation and Russia's reality

Nickolsky Sergey A. –

D. Sc. in Philosophy, principal research associate of the Department of the Philosophy of Culture at the Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences

*To contact the author:
s-nickolsky@yandex.ru*

Abstract

The idea of social renovation in Russian philosophical and art thought was always separated from any adequate understanding of social reality and existed independently. Each philosopher assumed the knowledge of reality a priori. For this reason the ideas about how a society and a person in this society should be renewed formed a huge intellectual block in our humanitarian thought from the end of the 18th century to the 30th of the 20th century. This block is unexplored till now. Further variety of such ideas was destroyed and replaced by the common program of the “new soviet man” creation. The article roughly outlines the conceptions of social reformation taken from D.I. Fonvizin, A.S. Griboyedov, A.S. Pushkin, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, N.G. Chernyshevsky, N.S. Leskov, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, A.V. Sukhovo-Kobylin, A.M. Gorky, A.A. Bogdanov, A.P. Platonov.

Keywords: Russia, society, man, culture, history, philosophy, literature, reality, reorganization.

Надо же думать, что понимать!

В.С. Черномырдин

В только что опубликованном двухтомном труде Л.Д. Гудкова «Возвратный тоталитаризм», представляющем собой собрание статей, написанных с 2009 по 2019 г. на основе материала исследований, которые ведет «Левада-Центр»¹, постоянным рефреном звучит упрек социологам, гуманитариям и российскому обществу в том, что они слабо интересуются реальными процессами социального развития. Автор, в частности, замечает: «Поскольку самостоятельно разобраться в том, что произошло за годы советской власти и кто должен нести ответственность за преступную политику государства... российское общественное мнение оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать» [Гудков 2022: 272].

Думаю, нежелание или неумение разбираться в коллизиях общественного развития – это не столько состояние общественного мнения, в отношении которого возможны упреки, сколько характерная черта исследований, которая в силу определенных условий столетиями была присуща всем российским социальным мыслителям. И уже в силу ее, этой характерной черты, длительного исторического существования, ее следует рассмотреть специально. В этой связи моя гипотеза состоит в том, что анализ социальной реальности в отечественной гуманитарной мысли с конца XVIII до 30-х гг. XX столетия считался менее предпочтительным, чем задача найти *адекватную реальности модель общественного переустройства*, но при этом знание реальности каждым мыслителем подразумевалось.

Надо признать, что концепты общественного переустройства в художественной форме были единственными в арсенале гуманитариев в силу того, что инструменты научного изучения реальности просто отсутствовали. По этой причине эти концепты как особая форма ограниченного социального познания ни в коей мере не могут оцениваться как «неспособность» мыслителей в общественном развитии разобраться, тем более оцениваться как трусливое нежелание их авторов острые вопросы «трогать» – а именно такого рода упрек прочитывается в гудковской оценке советского и постсоветского общественного мнения.

Однако тому, что внимание социальных мыслителей (философствующих писателей в первую очередь) с конца XVIII до второй трети XX в. сосредоточивалось именно на проблематике общественного переустройства, кроме отсутствия научного инструментария, были и иные серьезные основания.

---

¹ Организация признана в России иностранным агентом. – Ред.

Обращаясь к беглому рассмотрению проблематики общественного переустройства, прежде всего следует очертить круг социальных мыслителей, писателей-исследователей этого явления, понимая, что о каждом с точки зрения содержательности и причастности к проблеме нужно говорить особо. Тем не менее первичный их перечень и общий анализ возможен. В него в означенном временном отрезке входят практически все отечественные авторы «первого ряда»: Д.И. Фонвизин, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Н.Г. Чернышевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.В. Сухово-Кобылин, А.М. Горький, А.А. Богданов, А.П. Платонов².

* * *

О *Д.И. Фонвизине* в контексте означенной темы следует говорить на основе материала не только его классической комедии «Недоросль» (1871), но и публицистического текста «Рассуждение о непременных государственных законах» (1872). Он, как впоследствии и Гоголь, исходит из идеи необходимости *просвещения власти*, будь то самодержец или помещик. Формулируя наставления доброму царю, автор «Недоросля» подчеркивает, что самовластие не должно допускать зла; его забота – благо подданных. В этом самодержец подобен Богу, который не может делать ничего, кроме блага. Блага государь облакает в законы, сообразующиеся с общей пользой. Следование законам обеспечивает крепость государства и власть самого государя. Государь должен держать в повиновении подданных «правотою без насилия», а самого себя «кротостью». При этом с народа следует снять бремя жестокого рабства, которое должно ввести в рамки умеренности, дабы не вызвать бунт нового Пугачева.

Идеи переустройства художественным образом раскрываются в комедии. Благое самодержавное государство олицетворяется образом чиновника Правдина, явившегося в имение крепостников Простаковых, дабы осчастливить добрых и наказать злых. Некоторые декларации Правдина таковы: где государь знает, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права; каждый должен искать своих выгод лишь в том, что законно; незаконно угнетать рабством себе подобных; не тот богат, кто копит деньги, а тот, кто «отсчитывает у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нет нужного» [Фонвизин 1781: 42]. Таким образом, Фонвизин понимает общественное переустройство как *основанное на просвещении самоустроительное действие власти*. За этим выводом стоит исторически обусловленное

² Конечно, рассмотрение проблематики общественного переустройства должно быть выполнено и на материале советской литературы начиная с 1930-х гг. – финала выхода романа и повестей Андрея Платонова. Но этот предмет за пределами настоящего рассмотрения.

понимание возможности каких-либо общественных перемен только посредством и в рамках наличного общественного устройства.

В русле этой же парадигмы следует и *Н.В. Гоголь*. Его легко протраиваемая философско-публицистическая связка – поэма «Мертвые души» (1842) и сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), появившиеся спустя около восьмидесяти лет после Фонвизина, свидетельствуют не столько о медленном развитии прототипа (художественных начатков) социальной философии, сколько о закосневшем российском самодержавном общественно-экономическом, политическом и культурном укладе – «русской матрице» [Никольский 2018].

Критическое содержание поэмы – по характеристике Гоголя «тьма и пугающее *отсутствие света*» – хорошо известно. Не столь тщательно исследовано то позитивное, что содержит в себе история успешного помещика Костанжогло, одного из героев сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», равно как и связь поэмы с темой общественного переустройства в сборнике статей-писем «Выбранные места...». Между тем с первых строк сборника писатель заявляет, что «нужного» в письмах содержится более, чем в его сочинениях, и он испытывает «сильное желание быть полезным» [Гоголь 1847: 6]. Чем же? Главный движитель благих общественных преобразований – понятие о «справедливости Божеской», которым должен быть «просветлен» человек. Просветление – это любовь. «Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам» [Там же: 59]. Мысль эта конкретизируется в сборнике в отношении разных социальных групп и слоев, но особенно подробно – в тематически связанном с «Мертвыми душами» сюжете о помещиках.

В отличие от самодержца – центральной фигуры фонвизинской темы, Гоголь в форме наставлений-указаний обращается к основному субъекту возможных аграрных переустройств – помещику. Прежде всего, ему рекомендуется напрямую говорить с крестьянами, объясняя им их и свое, Богом от рождения данное положение – кто кем родился, тот тем и быть должен. Также крестьянам следует покоряться помещику, потому как нет власти не от Бога. А помещику – заставлять крестьян трудиться, потому что «Богом повелено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб... Скажи им всю правду: что с тебя взыщет Бог за последнего негодяя в селе и что по этому самому ты еще больше будешь смотреть за тем, чтобы они работали честно не только тебе,

но и себе самим, ибо знаешь, да и они знают, что, заленившись, мужик на все способен – сделается и вор и пьяница, погубит свою душу, да и тебя поставит в ответ перед Богом. И все, что им ни скажешь, подкрепи тут же словами Святого Писания» [Там же: 71]. А кроме того, пеняя опустившемуся мужику, призыви к отчету семью его и соседей – зачем не остановили! Равно также требую примерного уважения исправным хозяевам со стороны прочих, дабы их пример постоянно был на виду.

Косвенно, без прямых деклараций и наставлений об общественном переустройстве, данная проблематика присутствует в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1833) и в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). В обоих текстах она препарирована через личность главного героя и его любовные привязанности, хотя в пушкинском анализе общественной реакции на восстание Пугачева также можно найти следы авторского отношения к переустройству в общественном плане. Оба автора, как и их предшественники, строят свои концепты в рамках идеологии просвещенного монарха.

В расширенном и тщательно проработанном варианте проблематика общественного переустройства присутствует во всей романной прозе И.С. Тургенева. В романе «Рудин» (1855) через мировосприятие и неумение героя адекватно взаимодействовать с реальностью просматривается пристальный авторский интерес к проблеме. В следующем произведении – «Дворянское гнездо» (1859) – переустроительный концепт, как у Грибоедова и Пушкина, но существенно глубже, подан через личностно-любвные отношения Лаврецкого.

Проблематика переустройства в части, касающейся революционной борьбы на почве национально-освободительного движения, рассмотрена в романе «Накануне» (1860). Но уже в «Отцах и детях» (1862) Тургенев вновь обращается к героям-русским и на отечественном материале в полном объеме тема переустройства подается посредством анализа смены поколений и реального противостояния «отцов и детей» в контексте начавшихся в стране модернизационных процессов раннего капитализма.

В романе «Дым» (1867) тема общественного переустройства обнаруживается в контексте споров западников и славянофилов, а в «Нови» (1877) напрямую связана с реальным революционным процессом хождения в народ энтузиастов «Земли и воли». Что до оснований проблематики переустройства в тургеневской трактовке в целом, то они впервые в русской классической литературе выстроены на реальной общественно-политической и культурной почве, что само по себе должно быть отмечено как существенный прогресс в исследовательском направлении.

Тема общественного переустройства не может считаться непосредственным исследовательским предметом И.А. Гончарова в романах «Обломов»

(1859) и «Обыкновенная история» (1847). Однако и негативистское отношение к реальности мечтателя Ильи Ильича на фоне вписавшегося в действительность реалиста Андрея Ивановича, равно как и сперва романтические настроения, а потом позитивистские наклонности приехавшего покорять столицу провинциала Александра Адуева все же вторым планом имеют тему общественных перемен. В своем косвенном отношении к этой проблематике Гончаров более примыкает к основаниям критического реализма Тургенева, нежели к романтическому антуражу более ранних разработчиков темы.

Новый исследовательский опыт и новые основания рассмотрения проблематики общественного переустройства находим у *Н.Г. Чернышевского* в романе «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1863). Его автор хотя и не относится к художникам-мыслителям «первого ряда», но своим обширным революционным высказыванием и, еще более, общественным резонансом заслужил себе место в их ряду. Роман также следует отметить, поскольку в нем впервые в отечественной социальной мысли была в чистом виде сформулирована основная идея ленинизма – попытка создать «нового человека» и такие общественно-производственные хозяйственные формы, которые бы позволили исключить капиталистический путь развития и на основе «первобытной крестьянской общины» (Ф. Энгельс) одновременно из феодализма переместиться в коммунизм. В романе изображены именно такие, ориентированные на промышленное производство «социалистические кооперативы», основанные на принципах принудительного крестьянского коллективизма и даны образы революционеров-интеллектуалов, ставящих задачу вести массы в социализм, минуя капитализм. В силу этого роман был любимым чтением В.И. Ленина, настолько «перепавшим» его, что свою партийную брошюру 1902 г. он назвал точно так же. Программно-утопические основания текста Чернышевского тоже должны быть отмечены как новый, революционный момент в исследовании темы общественного переустройства, тем более что впоследствии именно на этой основе начнется революционная ломка и бесовство России.

На революционно-утопический «коммунальный» вызов Чернышевского последовала реакция *Н.С. Лескова*, выраженная в романе «Некуда» (1864), равно как и Ф.М. Достоевского, о котором речь позже, в рассказе «Крокодил» (1865). Идея общественного переустройства у Лескова представлена критически по отношению к фантастическим рассказам о коммунарах и «снах Веры Павловны», обращением к реальному прототипу – московской «Знаменской общине». В силу отсутствия у коммунаров способности делать что-либо полезное, равно как и по причине исчерпания у устроителя средств на содержание «новой социалистической формы» через год коммуна распалась. Это же происходит и в лесковском романе при том различии, что на месте

московского писателя и публициста Василия Слепцова, вдохновленного образами героев «Что делать?», у Лескова выведен социалист швейцарец Вильгельм Райнер. Роман Лескова – современная, но, к сожалению, не поддержанная в дальнейшем попытка вернуть тематике общественного переустройства реальные, а не утопически-революционные основания.

Проблематика общественного переустройства у *Ф.М. Достоевского* – предмет большой специальной исследовательской работы. В силу этого ограничусь лишь указанием на одну, но, как полагаю, важную ее часть – анализ экзистенциальных смыслов произведений мыслителя, в дальнейшем наследованных большевистской идеологией [Никольский 2021]. В «Дневнике писателя» (1876–1877, 1880–1881), а также в романах «Братья Карамазовы» (1881), «Преступление и наказание» (1866) и «Бесы» (1872) каждому основному герою сопутствуют экзистенциальные идеи – органические сердцевины образов. Без них герои не имели бы столь глубоких, философски значимых характеров. Эти смыслы, например: «рвущаяся к свету душа» (Алеша); разрешаемая «кровь по совести» (Раскольников); старчество – «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю» (Зосима); никаким грехом «не истощимая и бесконечная Божья любовь» (Алеша); реальная явленность убогости «будущего члена всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии» (наши); христианское определение людей как «бунтовщиков слабосильных, собственного бунта своего не выдерживающих» (Великий Инквизитор); потребность «общности преклонения» перед «силами чуда, тайны и авторитета» (он же).

Перешедшие из философско-художественных фантазий XIX столетия в ленинско-сталинские идеи и советскую практику XX в., эти прозрения великого писателя (как позитивные утверждения, так и негативные предостережения) показали свой исток и глубокую укорененность в мировоззрении русского человека, без чего коммунистические катастрофы реального общественно-переустройства вряд ли были бы возможны.

Так же как и в отношении Достоевского, специальная исследовательская работа требуется для анализа идеи общественного переустройства в творчестве *Л.Н. Толстого*. В его случае, как и в случае Достоевского, Фонвизина и Гоголя, необходим анализ художественных текстов с параллельной работой по изучению специальных публицистических текстов, равно как и изучение его общественных практик в педагогике, в отношениях с православной церковью.

Особняком в контексте рассматриваемой темы стоит драматургическая трилогия *А.В. Сухово-Кобылина* «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина» (1869). Идея общественного переустройства имеет к ней отношение лишь как не сформулированный автором, но реально вытекающий из текстов вывод, в то время как само содержание – это изображение

российской государственной машины как организованной преступной корпорации. Недаром цензор, рассматривая «Дело», приходит к выводу: «Настоящая пьеса изображает... недалковидность и непонимание обязанностей своих в лицах высшего управления, подкупность чиновников, от которых зависит направление и даже решение дел, несовершенство законов наших (сравниваемых в пьесе с капканами), безответственность судей за их мнение и решение – все это представляет крайне грустную картину и должно произвести на зрителя самое безотрадное впечатление, которое еще усиливается возмутительным окончанием пьесы» [Сухово-Кобылин 1869: 161].

Тема общественного переустройства в контексте «поиска честного человека» – магистральная и намного более продуктивная в творчестве А.М. Горького, чем его плакатно-яркие сюжеты, связанные с революционными намерениями и действиями большевиков³. На вопрос «Как переустроить общество, чтобы оно было честное», один из героев раннего Горького, купец, персонаж романа «Трое», отвечает: «Коли из десяти один честен – это для меня ничего не значит... Тут особый счет надобен... Если же один честен, а девять подлецы, никто не выигрывает... Но человек пропадает. А ежели семеро честных на трех подлецов – твоя взяла... Понял? Которых больше, те и правы...» [Горький 1970: 91]. Однако далее житейского наблюдения Горький не пошел (да и странно было бы ожидать иного от художника), ограничившись представлением на общее обозрение пороков существующего общества. Поэтому так же, как и у Грибоедова, и у Пушкина, идея общественного переустройства у него может быть рассмотрена лишь по принципу «от противного».

Попытку в планетарном формате обсудить идею общественного переустройства, имея в виду мировую революцию, впервые предложил А.А. Богданов большевистскими романами-утопиями «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912). Среди многих марксистских идей стоит выделить ту, в которой отрицается насильственное продвижение социализма ценой покорения высшей расой марсиан отсталых жителей Земли. За ней вполне можно допустить наличие тогдашнего, за десятилетие до Октября, кредо автора – быть противником военного распространения победы российского пролетариата на капиталистический мир. Возражая стороннику насильственного распространения цивилизации, героиня отвечает: «Твердо и решительно мы должны ему ответить: *никогда!* Мы должны подготовить свой будущий союз с человечеством Земли. Мы не можем значительно ускорить его переход к свободному строю: но то небольшое, что мы в силах сделать для этого, мы сделать должны» [Богданов 1990: 59]. Пройдет немного времени, и в 1919 г.

³ Во втором случае, конечно, имеются в виду песни о пернатых (соколе, буре-вестнике), о сердце Данко и о столь же нудно-назидательном, как «Что делать?» Чернышевского, романе «Мать».

в Москве будет учрежден III Интернационал, ставивший целью подготовку мировой революции, а летом 1920 г. будет предпринят поход на Варшаву в надежде, что польское крестьянство и пролетариат присоединятся к Красной армии в борьбе против помещиков и капиталистов.

Тема большевистского переустройства общества посредством смены общественно-экономического уклада наиболее масштабно и глубоко рассмотрена А.П. Платоновым в романе «Чевенгур» (1929) и повестях «Котлован» (1930), «Ювенильное море» (1934), «Джан» (1934) и в других произведениях [Неретина, Никольский, Порус 2019]. Как итожит этот опыт автор? Возможно, словами главного героя «Чевенгура» Саши Дванова: «Дванов не пожалел родину и оставил ее. Смирное поле потянулось безлюдной жатвой, с нижней земли пахло грустью ветхих трав, и оттуда начиналось безвыходное небо, делавшее весь мир пороженным местом» [Платонов 1929: 222]. Родина, в которой герой искал исторически неизбежный «самосевный» коммунизм, такового не родила. Поле, созревшее для жатвы, безлюдно. Между землей и небом пустое, без человека, место, и потому небо начинается сразу от «ветхих трав». Кровавая сказка коммунизма, а с ней и эпоха активного общественного переустройства завершены. Впереди была эпоха целенаправленного созидания «нового советского человека».

* * *

Общий при кажущемся разнообразии финал, знаменующий приключения идеи общественного переустройства в российском гуманитарном пространстве, таков: Стародум уезжает, рекомендуя Митрофана-недоросля в службу (?!); Чацкий покидает Москву для новых скитаний; Пугачева четвертуют; Чичиков теряется на российских просторах; Рудин гибнет на польских баррикадах; Инсаров убит турками; Базаров умирает от яда; Нежданов стреляется; Обломов кончается от апоплексического удара; Лопухов инсценирует самоубийство и перерождается в другую, иностранную личность; Райнер погибает в бою; ограбленный Муромский, минуя дом, напрямик отправляется на тот свет; Илья разбивает голову о стену; Леонид переживает помешательство, ранение и как груз увозится на Марс; Саша Дванов кончает утоплением.

Как говорил классик: «Надо же думать, что понимать!»

Источники

Богданов А.А. 1990. *Красная звезда*. М.: Правда. 414 с.

Гоголь Н.В. 1847. *Выбранные места из переписки с друзьями*. «Public Domain». URL: <https://www.litres.ru/nikolay-gogol/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami/> (дата обращения: 20.08.2022).

Горький М. 1970. *Полное собрание сочинений*. Художественные произведения: в 25 т. Т. 5. М.: Наука. 566 с.

Гудков Л.Д. 2022. *Возвратный тоталитаризм*. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение. 816 с.

Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н. 2019. *Философская антропология Андрея Платонова*. М.: ИФ РАН. 236 с.

Никольский С.А. 2018. Российская философия истории: опыт понимания. – *Философский журнал*. Т. 11. №4. С. 115–128.

Никольский С.А. 2021. Темпоральные экзистенциальные смыслы героев Достоевского и их большевистская реинкарнация. – *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 5. №3. С. 32–55.

Платонов А.П. 1929. Чевенгур. «ФТМ». URL: <https://www.litres.ru/andrey-platonov/chevengur/> (дата обращения: 20.08.2022).

Сухово-Кобылин А.В. 1869. *Свадьба Кречинского*. Сборник. «Public Domain». URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-suhovo-kobylin/svadba-krechinskogo-pesy/> (дата обращения: 20.08.2022).

Фонвизин Д.И. 1781. *Недоросль*. «Public Domain». URL: <https://www.litres.ru/denis-fonvizin/nedorosl-176530/> (дата обращения: 20.08.2022).

Лисенкова Анастасия

Новая экспертность цифрового мира: горизонтальная раздробленность и алгоритмическая целостность

Лисенкова

Анастасия Алексеевна –

*доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры
социально-культурных технологий
и туризма, проректор по науке
и цифровой трансформации
Пермского государственного
института культуры*

*Для связи с автором:
oskar46@mail.ru*

Для цитирования:

*Лисенкова А.А. Новая экспертность цифрового мира: горизонтальная раздробленность и алгоритмическая целостность // Публичная политика. 2022. Т. 6. № 1.
Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_1_44*

Аннотация

В статье анализируются изменения в формировании экспертности, произошедшие под влиянием цифровых технологий и развития горизонтальных ризоматических коммуникаций. Появление новых акторов виртуального пространства – цифровых гигантов – задает вектор и фрейм информационного сетевого взаимодействия всем участникам современного мира.

Ключевые слова: цифровизация, экспертность, новые медиа, коммуникативный капитал, виртуальные сообщества.

Lisenkova Anastasia

The New Expertise of the Digital World: Horizontal Fragmentation & Algorithmic Integrity

Lisenkova

Anastasia Alekseevna –

*Doctor of Cultural Studies,
Professor of the Department of
Socio-Cultural Technologies and
Tourism, Vice-Rector for Science
and Digital Transformation
Perm State Institute of Culture*

To contact the author:

oskar46@mail.ru

Abstract

The article analyzes the changes in the formation of expertise that occurred under the influence of digital technologies and the development of horizontal rhizomatic communications. The emergence of new actors of virtual space – digital giants, set the vector and frame of information network interaction for all participants of the modern world.

Keywords: digitalization, expertise, new media, communication capital, virtual communities.

Информационные технологии стали основанием для возникновения и развития качественно нового типа пространства – информационного, которое является результатом интеграции средств массовой коммуникации с информационными гиперсистемами. Словом *digital* в современном мире обозначаются многие феномены, – цифровыми стали память, коммуникации, образование, путешествия и многое другое. Данные изменения затронули все сферы повседневной жизни современного человека, изменив способы и формы общения и взаимодействия людей, оказав колоссальное влияние на все существенные аспекты жизни общества. Как отмечает Г.Л. Тульчинский, «главный гуманитарный нерв тотальной цифровизации – насколько востребовано современной цифровизацией представление о личности “в первом лице”» [Тульчинский 2020: 16].

В этом цифровом информационном перенасыщенном мире смысловую картину в большей степени стали формировать горизонтальные связи, экспертные мнения и субъективные оценки. Очевидно, что технологическая среда, обладая своей системой символов, форм и алгоритмов, становится фактически равнозначной по отношению к реальности, а действия и мнения на ее просторах чаще всего замещаются наличием, присутствием и обозначением. В результате современные социокультурные процессы все в большей мере воплощаются в конкретные формы через эти цифровые платформы, генерирующие различные события новой реальности, и вводят новых акторов и экспертов в поле общественного взаимодействия. Таким образом, человек получает новые, иные измерения для формирования своих представлений и мнений: «Его жизнь, как никогда раньше, охвачена уютным разнообразием повседневности, но за ее расписным крыльцом и высоким порогом навязчиво простираются многообразные миры Иного – неведомого, непознанного, обладающего собственными трансцендентными обыденности смыслами и значениями», – отмечает Ю.В. Шичанина [Шичанина 2004: 170]. Эти иные миры современный человек и осваивает иначе – ему приходится следовать за технологиями, которые опережают его сознание и самосознание. Человек словно обнаруживает себя на пересечении потоков, которые он одновременно воспринимает как множество сообщений, и его персональная картина мира утрачивает привычную ясность, становясь дробной и нецелостной. Однако это самое «пространство потоков» [Кастельс 2000: 53], которое адекватно описывает информационное поле с заданной структурой, позволяет «собрать» дробную информацию через гипертекстуализацию, самокатегоризацию в единую смысловую целостность. Целостность, в которой высокий уровень доступности, открытости и публичности выступает стимулом изменения механизмов влияния, контроля, социальной ответственности и экспертности. При этом каждый участник данного пространства становится словно замкнутым в удобной ценностно-приемлемой

информационной капсуле, создавая собственные коммуникативные тактики и стратегии, основанные на избирательном соприкосновении с информацией, выстроенной в алгоритме той или иной платформы, и вместе с тем он становится источником информации для различных акторов и заинтересованных групп. При этом экспертность в цифровой среде существенно отличается от экспертности в привычном нам реальном мире. Экспертность виртуального автора должна подтверждаться постоянным производством контента (видео, текста, визуального контента, комментария). В отличие от реального мира, в котором существуют более-менее неизменные параметры экспертности, такие как звания, чины, должности, дипломы, в мире онлайн экспертность хотя и накапливается, но нуждается в постоянном воспроизводстве, умножении и накоплении коммуникативного капитала, зачастую опосредованного.

Ю.Г. Рыков, опираясь на Н. Лумана, определяет коммуникативный капитал таким образом: «Успех коммуникации – это реализация ее селективного содержания (смысла) в дальнейших сообщениях. Таким образом, социальную эффективность виртуальной коммуникации можно измерить, вычислив количество последовавших на нее ответных сообщений (комментариев) или других откликов, выражающих понимание и принятие ее смысла (оценок, рейтингов, «лайков» и т. д.). <...> Таким образом, коммуникативный капитал – это накопленная успешность коммуникации, понимаемая как привлеченное внимание и принятие сообщений в качестве предпосылок дальнейшей коммуникации или переживания» [Рыков 2016: 49]. В данном отношении возникают новые риски – угрозы манипуляции, а реальная жизнь рискует быть заслонена жизнью виртуальной, поскольку получение и реализация коммуникативного капитала в виртуальном пространстве значительно проще, чем в пространстве реальных практик. Привлечение внимания как мера символической капитализации является изначально манипулятивным механизмом, виртуальной экспертности, и возрастание этой тенденции может быть расценено как тревожный симптом. «Ожидание обновлений, разделение новостей на “новые” и “новейшие”, призывы поделиться своими мнениями, оценками и мыслями “прямо сейчас” заложены в самой основе цифровых платформ. Важны только скорость и частота обновлений (не важно, о чем идет речь: о собственных записях или о лайках и репостах чужих сообщений), то есть значим сам факт этой передачи, а не то, что именно передается. Важно, кто день за днем воспроизводит цифровую рутину, создает сообщения и образы, позволяющие вступать в максимальное число взаимодействий. Эти образы должны моментально считываться, быть адекватными тому контексту, где они появились и функционируют; кроме того (и чаще это обязательное условие), они должны вызывать безусловное доверие. Главная сложность, однако, заключается в том, что у пользователя, ежедневно просматривающего новостную ленту, как правило, нет сформированных ожиданий

того, что он хочет увидеть» [Колпинец 2016: 177], но при этом информация заранее должна совпадать с его картиной мира.

Таким образом, создавая собственную, удовлетворяющую персональному видению мира картину, пользователь выстраивает коммуникации, где определяющее значение имеют не сами люди, а факт наличия связей и отношений, причем, в отличие от внешней социальности, общность свободных атомизированных индивидов поддерживается в этом пространстве на основе безличной, условной, абстрактной связи, в лучшем случае на эмоциональной сопричастности, что позволяет некоторым исследователям говорить о такого рода объединениях как о «воображаемых сообществах» [Андерсон 2016: 24], которые представляют собой не более чем чувство принадлежности к какой-то группе. Данные факторы оказывают существенное влияние на признание и экспертность.

Сам механизм признания в цифровую эпоху существенным образом изменился. В качестве причин отмечается дисперсность самих медиа, а также значительная девальвация обретения славы, связанная с доступностью информации и тиражируемостью. Достаточно часто экспертность в цифровом пространстве опирается на феномен Pro-Am (Professional Amateur) [Лидбистер, Миллер 2004]. Наряду с признанными экспертами экспертность завоевывают обычные пользователи, которые производят контент, достаточный для привлечения читателей и других пользователей сети. Фактически экспертность цифровых медиа представляет «нарративы компетентного» [Конева 2015: 79], который ставит автора в позицию выше, подчеркивая его уникальность, знания, талант или мастерство, в определенной сфере вывода экспертов в область повседневного и интимного.

Современные эксперты эпохи горизонтальных коммуникаций высказываются на любые темы, предоставляют частные советы, транслируют собственные мнения и убеждения, формируя определенную среду интимности и доверия. Несмотря на то что позиция интимности, как отмечает Ф. Гарсиа-Рапп [García-Rapp 2017: 129], конфликтует с позицией эксперта, поскольку укреплять интимность и поддерживать экспертность – сложная задача, тем не менее она позволяет переосмыслить границы между публичным и приватным. Осмысление «публичной ценности приватного» [Ваут, Бойд 2012: 324], понимание того, что раскрытие приватной информации, предъявление себя не только как эксперта и даже не только как личности, но и как живого человека с определенными слабостями, стимулирует создание стратегий успешных цифровых проектов экспертности и накопление персонального коммуникативного капитала в виртуальных сообществах.

В этих группах человек реализует потребность в признании, уважении и принадлежности, цифровые платформы и новые медиа становятся местом обретения профессионального статуса, удаленной работы, пространством социального признания и одобрения, где реализуются современные стратегии

личностного самоутверждения и экспертности. Все это приводит не только к накоплению коммуникативного публичного капитала, но и к хранению колоссального объема данных в сети.

В результате разрушение «целостности» самого информационного поля и сетевой, ризоматический тип взаимодействия объединяют и кластеризуют информационные потоки, выделяя из каждого некий «условно персонализированный» фрагмент, который оказывает влияние на формирование представлений о мире. Цифровая среда в данном отношении выступает стержнем этой дискретности и множественности, позволяя объединить фрагменты этой бесконечной делимости в единые смысловые группы.

Различие и делимость, столь присущие постмодернистскому миру, изменяются в процессе алгоритмической обработки больших массивов данных в современной цифровой среде, уступая место натиску цифровых алгоритмов, которые стали стержнем и фреймом не только для горизонтальной экспертности, но и в целом для любого публичного дискурса.

Все большую роль в данном дискурсе играют глобальные цифровые гиганты, являясь активными заказчиками и авторами платформ и алгоритмов. Они сегодня основные претенденты на «статус нового ценностно-нормативного, институционального и информационного стержня современности, интегрирующие различные среды общественного взаимодействия и формирующие новые приоритеты взаимодействия реальностей (социокультурной, цифровой, биологической, физической)» [Володенков 2022].

Необходимо отметить, что появление новых пространств – метавселенных, внедряемых цифровыми гигантами, такими как Meta¹, Microsoft, Apple, Google, Yandex, – стимулирует развитие искусственной социальности внутри виртуальных пространств, наделяя реальных участников виртуальными симулякрами, усиливая виртуализацию повседневной социальной жизни и ставя человека в зависимость от технологических корпораций и централизованных алгоритмических сред.

Выстраивая новую картину повседневности, цифровизация создает точки бифуркации, порождает серьезные вызовы для общественных отношений и выступает стимулом изменений ценностно-нормативной парадигмы культуры и отдельно взятой личности. Происходит формирование новой культурной среды и культурной реальности, в которой спонтанно воспроизводятся новые смыслы и создаются новые культурные коды, которые затем переносятся в реальный мир в виде символических значений и реальных действий. Создаваемая культурная среда и система персонализированных образов и мнений наделяются собственными ценностными значениями и экспертными оценками. Соответственно,

---

¹ Компания признана в России экстремистской организацией. – *Ред.*

развитие новых моделей социальных интеракций, разнообразие цифровых акторов, формирование цифровой горизонтальной экспертности и глобальных виртуальных пространств стимулируют развитие новых компетенций и навыков каждого участника цифрового взаимодействия.

В условиях же ограниченного доступа к информационным и цифровым ресурсам роль ключевых акторов возвращается к традиционным СМИ, профессиональным сообществам и привычным лидерам мнений практически в их доцифровом формате.

Источники

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле. 416 с.

Володенков С. 2022. *Цифровое пространство современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание, структура и особенности. Диссеминационный семинар по результатам экспертного исследования*. URL: <https://www.academia.edu/video/jWx4z1>.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Колпинец Е. 2016. Фигура из пустоты: селебрити как феномен цифровой повседневности. – *Логос, философско-литературный журнал*. Т. 26. № 6. С. 161–188.

Конева А.В. 2015. Нарративы идентичности: модные блоги в пространстве сети. – *Вопросы культурологии*. № 4. С. 78–84.

Лидбитер Ч., Миллер П. 2004. PRO-AM – профессиональный любитель: революция XXI века. URL: <http://chelpro.ru/professional-in-books/pro-am>.

Рыков Ю.Г. 2016. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XVI. № 4. С. 44–51.

Тутьчинский Г.Л. 2020. *Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе*. СПб.: Алетейя. 826 с.

Шичанина Ю.В. 2004. Мистический человек как человек виртуальный: психология и философия XX века о глубинной иномерности человека. – *Философия и общество*. № 4. С. 170–181.

Baym N.K., Boyd D. 2012. Socially Mediated Publicness: An Introduction. – *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 56. N 3. P. 320–329.

Garcia-Rapp F. 2017 “Come join and let’s BOND”: Authenticity and Legitimacy Building on YouTube’s Beauty Community. – *Journal of Media Practice*. Vol. 18. N 2–3. P. 120–137.

Сунгуров Александр

Политика смысла: что могут и что не могут дать эксперты?

Сунгуров

Александр Юрьевич –

*доктор политических наук,
профессор департамента
политологии и международных
отношений НИУ ВШЭ – СПб*

*Для связи с автором:
asungurov@hse.ru*

Для цитирования:

*Сунгуров А.Ю. Политика смысла:
что могут и что не могут дать
эксперты? // Публичная политика.
2022. Т. 6. № 1.
Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_1_51*

Аннотация

В работе рассматривается сравнительная роль профессиональных политиков, представителей гражданского общества и групп интересов, а также экспертов как носителей научного знания в процессах реализации осмысленной политики – *policy*. Подчеркивается важная роль инициативной экспертизы, ярким примером которой были участники сообщества гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: политика смысла, политико-управленческие решения, экспертное сообщество.

Sungurov Alexander

Policy of cense: what can and what can not make experts?

Sungurov Alexander Y. –

*Doctor of Political Sciences,
President of the St. Petersburg
Humanitarian and Political Center
“Strategy”, Professor, Department
of Political Science and International
Affairs*

*To contact the author:
asungurov@mail.ru*

Abstract

The comparative role of professional politicians, representatives of civil society organisations and interest groups and experts as bearers of science knowledge in processes of cense policy realization are examined. The serious role of humanitarian expertise as example of initiated expertise are stressed.

Keywords: policy of cense, policy decisions, expert community.

Среди тем, которые Григорий Львович Тульчинский предложил для обсуждения на круглом столе «Политика смысла или смысл политики», наиболее близкой для меня является тема экспертного знания, особенно в сочетании с названием этой встречи. Прежде всего: что можно было понимать под словами «политика смысла» и о какой политике – *politics* или *policy* – здесь идет речь? На мой взгляд, о политике *policy*, то есть о процессах подготовки, принятия и реализации конкретных политико-управленческих решений, которые складываются в тот или иной политический курс. Действительно, смысл политики *politics* четок и определен – достичь победы в борьбе за завоевание и удержание власти. Следует также отметить, что, строго говоря, любая политика *policy*, любой политический курс имеет какой-то важный для его реализаторов смысл, который может и не поддерживаться их политическими оппонентами. Этот курс в первом приближении может иметь как либертариистский, так и социально направленный характер, быть направленным на создание оптимальных условий для развития бизнеса с целью накопления общественного продукта либо на его перераспределение с целью снижения различия благосостояния богатых и бедных. При стабильной демократической системе в рамках 25-летних политических циклов Артура Шлезингера-младшего [Шлезингер-мл. 1992] эти курсы сменяют друг друга путем прихода к власти благодаря изменениям симпатий избирателей право- и левоцентристским политическим силам.

Эта идеальная ситуация, однако, может и не быть реализована даже в демократических странах, и уже тем более в странах с авторитарным политическим режимом. Кроме того, все больше вопросов вызывает реализация модели электоральной демократии, когда, по словам русского философа Ивана Ильина, жители страны живут в условиях демократии один день в четыре года, когда они выбирают депутатов своего парламента. Сегодня все большую популярность приобретает модель демократии участия, когда существуют механизмы влияния граждан и между выборами, то есть на реализацию политики *policy* [Krick, Christensen, Holst 2019]. Сегодня все более популярным становится и вариант делиберативной демократии, или демократии обсуждений по Юргену Хабермасу [Хабермас 2008].

Важность реального учета мнения жителей страны, ее отдельных регионов и городов в процессе подготовки и реализации политико-управленческих решений, подчеркивается сегодня и в таких концепциях государственного управления, как *governance*, предложенных в конце прошлого века Роудсом [Rhodes 1996; Роудс 2008; Matthews 2012], а сегодня уже используемого с двумя определениями *good governance* [Weiss 2005] – надлежащее (гос) управление и *bad governance* – недостойное (у)правление [Melville, Mironyuk 2016; Гельман 2019]. Более того, сегодня, по результатам анализа ситуации

в Китае и в других авторитарных странах, пишут уже о феномене авторитарной делиберации, когда на уровне регионов или отдельных городов власти при принятии решений проводят часто неформальные консультации с населением, что добавляет реальный смысл в политику *policy*, по крайней мере на субнациональном уровне [Owen, Bindman 2017].

Таким образом, учет мнений заинтересованных групп населения и даже отдельных граждан становится сегодня важным условием для реализации *good governance* (наиболее адекватный перевод на русский – «достойное правление»). Однако разные группы населения могут иметь различные представления о должном, о том, что есть общественное благо. При этом велика вероятность того, что от имени населения могут выступать популисты, предлагающие простые решения сложных проблем без осознания ответственности за возможные результаты предлагаемых простых решений. Кроме того, в классическом определении достойного правления речь идет об учете мнений стейкхолдеров, то есть держателей акций, и исходно под ними понимались группы интересов – и прежде всего бизнес-интересов. А здесь интересы могут быть самыми различными, вплоть до диаметрально противоположных.

Поэтому для того, чтобы реализовывалась все-таки «политика смысла», а не только «политика интереса», в процессе «подготовки и принятия политико-управленческих решений», наряду с интересами власти и интересами различных бизнес- и общественных групп должны участвовать и носители научного знания, а именно представители экспертного сообщества. На самом деле фактически все политико-управленческие решения в той или иной степени опираются на данные науки – точнее, на результаты прикладных научных исследований, целью которых как раз и являются научно обоснованные ответы на возникающие в процессе подготовки этих решений вопросы. Да и сами ЛПП (лица, принимающие решения) также в определенной степени могут быть носителями научного знания, полученного как при обучении в университетах и специальных академиях типа РАНХиГС. Другое дело, что существующие сегодня практики привлечения и отбора экспертов, при котором критерии лояльности могут иметь большую значимость по сравнению с критериями профессионализма, зачастую приводят к ситуации одобрения «привластными экспертами» уже подготовленного без них властного решения¹.

Отметим, что и сами ответственные сотрудники исполнительной власти, опираясь на известное им знание о реальности, могут иногда успешно выражать несогласие с явно выраженной волей руководства, переходя из роли послушных чиновников в роль независимых экспертов и обеспечивая тем

---

¹ Подробнее см. нашу статью: [Сунгуров и др. 2020].

самым реализацию «политики смысла». Приведем здесь цитату из нашей книги «Экспертные сообщества и власть», где приводятся слова экспертно-го интервью с респондентом, который в течение десятилетия занимал позицию заместителя председателя комитета в правительстве одного из субъектов РФ: «Давление скорее исходило от первого лица, и это неизбежно. Потому что к первому лицу приходили разные люди, давали разные предложения, и, естественно, он писал: “Прошу рассмотреть и дать положительное заключение”. Иногда возникали такие ситуации, что положительного заключения было давать нельзя. Тогда мы обкладывались заключениями от... профессиональных организаций, от отраслевых комитетов и тогда... [убеждали первое лицо в невозможности предложенного решения]» [Сунгуров 2020: 149].

Представители предпринимательских групп интересов также обладают хорошим опытом привлечения к подготовке их предложений для органов власти представителей экспертного сообщества, располагая для этого необходимыми финансовыми ресурсами. Их участие позволяет придавать таким предложениям научно обоснованный характер, к тому же у них есть доступ к информации о реальной ситуации «на месте» – например, в случае ситуации землеотвода, о наличии необходимой инфраструктуры на конкретных земельных участках (именно поэтому их данные использовал респондент Л. из приведенного выше примера).

Сложнее обстоит дело с экспертным обеспечением проектов предложения от структур гражданского общества, от различных *advocacy groups* (групп защиты общественных интересов). Здесь возможна волонтерская деятельность граждански ориентированных ученых (например, в экологических организациях). Другая возможность – это деятельность центров публичной политики, гражданско-ориентированных «фабрик мысли», поддерживаемая различными фондами. Примером может служить Санкт-Петербургская общественная организация «Гуманитарно-политологический центр “Стратегия”», работавшая именно как центр публичной политики. Начиная с 1999 г. центром сначала при поддержке Фонда Форда, а затем и других международных организаций была успешно реализована программа «Открытый бюджет: бюджет, который можно понять и на который можно влиять» в ряде российских регионов. Речь шла об участии общественных организаций в бюджетном процессе прежде всего на городском уровне путем подготовки поправок к закону о бюджете и активному и экспертно-обоснованному участию в общественных слушаниях по проекту бюджета.

В рамках реализации программы большое внимание уделялось прежде всего просветительской деятельности, обучению членов общественных организаций основам бюджетной грамотности, снятию комплекса страха перед самим бюджетом, что достигалось с помощью просветительских семинаров-

тренингов с участием как экспертов проекта, так и ответственных сотрудников бюджетных комитетов городского и областного уровней. Вторым приоритетным направлением были усилия по формированию сообщества бюджетных аналитиков, вовлечение в проблематику бюджетного анализа университетских преподавателей и экономистов из академических институтов, которые до этого не соприкасались с бюджетным анализом. Итогом стало формирование в российских регионах сообщества бюджетных аналитиков, которые помогали трансформировать конкретные предложения лидеров НКО в грамотные предложения для органов власти, а также давали лидерам гражданских организаций фундированный анализ проектов бюджетов, превращая общественные слушания в серьезную дискуссию.

Рассмотрим теперь более детально сам процесс экспертизы, – как мы увидим, экспертами сегодня называют далеко не только тех, кто занимается экспертизой. Определимся вначале с самим феноменом экспертизы. Прежде всего, это **нормативная** экспертиза, сутью которой является сопоставление, или, иначе, оценка некоего документа, предмета или процесса, являющихся объектом экспертизы, на соответствие определенным критериям или требованиям. В юридической практике, тем более в судебной экспертизе, соблюдение таких фиксированных процедур соблюдается (или должно соблюдаться) особенно строго. Это относится и к медицинской экспертизе, и к строительной, и т. д. Ситуация существенно усложняется, когда эксперту надлежит оценивать не физические или химические явления, а явления социальные. В этих случаях критерии оценки могут быть гораздо более расплывчатыми, и не исключены разные ответы в зависимости от идеологических воззрений эксперта или социального контекста самой экспертизы. Еще сложнее ситуация, когда эксперту предлагается оценить результат некоторого процесса – например, реализацию какого-либо проекта.

Второй вид деятельности, который сегодня (начиная с середины прошлого века) тоже относят к экспертизе, – это **экспертное участие в процессе принятия властных решений**. И здесь речь идет как о специалистах в области деятельности, в отношении которой принимается решение, так и о специалистах-политологах, владеющих контекстом проблемы, для разрешения которой, собственно, и производится экспертиза.

Третий вид деятельности, участников которого сегодня также называют экспертами, – это **экспертное участие в процессе реализации принятого решения**. Причем это решение может быть принято сегодня уже не только властными структурами, но и «фабриками мысли» или иными более или менее оформленными группами заинтересованных в реализации проекта – учеными и/или гражданскими активистами, а также журналистами и некоторыми представителями власти. Подобные коллективы, продвигающие

определенные реформаторские проекты иногда в течение многих лет, Пол Сабатье и Хэнкс Дженкинс-Смит назвали коалициями общественных интересов [Сабатье, Дженкинс-Смит 2008; Howlett, McConnell, Perl 2017].

Классическая, «нормативная» экспертиза, давая обоснованные предложения или освещая неизвестный для ЛПР контекст принимаемых решений, создает условия для реализации «политики смысла», но оставляет решение за представителями власти. Существенно ближе к цели достижения «политики смысла» располагается вторая из кратко рассмотренных возможностей – непосредственное участие в процессе подготовки решения (например, в рамках общественно-консультативных советов).

Однако наиболее эффективными могли бы стать варианты «инициативной экспертизы», когда сами представители экспертного сообщества вырабатывают возможные решения конкретных социальных, экономических и политических проблем общества. Одним из важных направлений подобной «инициативной экспертизы» стала концепция гуманитарной экспертизы», предложенная В.И. Бакштановским еще в 1983 г. [Бакштановский 1983]. В предисловии к первому в стране сборнику статей по гуманитарной экспертизе Бакштановский так характеризует это понятие: «...гуманитарная экспертиза и консультирование – это особый вид приложения комплекса научных знаний о морали и воспитании, организованных вокруг этического ядра – прикладной этики» [Бакштановский 1992].

Важным этапом развития обсуждаемой концепции стало проведение в июне 2004 г. в подмосковном Звенигороде круглого стола, фактически – мозгового штурма, посвященного перспективам институционализации гуманитарной экспертизы. В нем приняли участие известные отечественные и зарубежные психологи, философы, лингвисты: А.Г. Асмолов, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн и другие ведущие специалисты. Среди его итогов – появившаяся в 2005 г. программная статья «К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы» [Иванченко, Леонтьев, Сафуанов, Тульчинский 2005], годом позже вышел сборник «Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности» [Экспертиза... 2006], в который вошли и работы других исследователей. Открывает этот сборник статья Г.Л. Тульчинского, который выделяет в содержании гуманитарности несколько слов, с каждым из которых связаны соответствующие виды гуманитарной экспертизы [Тульчинский 2006]: «социологический», «культурологический», «антропологический» уровень – рассмотрение условий существования человека как психосоматической целостности; «персонологический» и «метафизический» уровень; самый глубокий – уровень метафизики, проявления свободы как бытия в возможности. Именно он, по мнению Г.Л. Тульчинского, оказывается главным, стержневым, на который наслаиваются все другие.

Как отмечает Г.Л. Тульчинский [Там же], в центре внимания гуманитарной экспертизы – соотношение социально-культурного (нормативно-ценностного) и личностного уровней. Именно он лежит в основе широких дискуссий о клонировании, абортах, эвтаназии, использовании стволовых клеток, биометрии. К этому списку можно добавить также дискуссии о реформе пенитенциарной системы, о военной реформе и т. д. В целом можно сказать, что специфика гуманитарной экспертизы очень близка к оценке различных проектов с позиции соблюдения прав человека.

Источники

Бакштановский В.И. 1983. *Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы*. М.: Знание. 64 с.

Бакштановский В.И. 1992. Предисловие. – *Гуманитарная экспертиза. Возможности и перспективы. Сборник научных трудов* / отв. ред. В.И. Бакштановский, Т.С. Караченцева. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.

Гельман В.Я. 2019. *«Недостойное правление»: политика в современной России*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 254 с.

Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Сафуанов Ф.С., Тульчинский Г.Л. 2005. К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы. – *Труды Ярославского методологического семинара*. Т. 3: Метод психологии / гл. ред. В.В. Новиков. Ярославль: МАПН. С. 89–110.

Роудс Р. 2008. Новый метод управления: управление без правительства. – *Публичная политика: от теории к практике* / сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя. С. 51–74.

Сабатье П., Дженкинс-Смит Х. 2008. Концепция лобби-коалиций: оценка. – *Публичная политика: от теории к практике* / сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя. С. 94–154.

Сунгуров А.Ю. 2020. *Экспертные сообщества и власть*. М.: Политическая энциклопедия. 231 с.

Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. 2020. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга). – *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 2. С. 7–31. URL: <https://vgmu.hse.ru/2020-2/371812446.html>.

Тульчинский Г.Л. 2006. Гуманитарная экспертиза как социальная технология. – *Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности* / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 10–29.

Хабермас Ю. 2008. *Вовлечение другого: очерки политической теории*. СПб.: Наука. 415 с.

- Шлезингер-мл. А.М. 1992. *Циклы американской истории*. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия». 688 с.
- Экспертиза... 2006. *Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности* / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл.
- Howlett M., McConnell A., Perl A. 2017. Moving Policy Theory Forward: Connecting Multiple Stream and Advocacy Coalition Frameworks to Policy Cycle Models of Analysis. – *Australian Journal of Public Administration*. Vol. 76. N 1. P. 65–79. Doi: <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12191>.
- Krick E., Christensen J., Holst C. 2019. 'Between 'Scientization' and a 'Participatory Turn'. Tracing shifts in the governance of policy advice'. – *Science and Public Policy*, 46 (6). P. 927–939. Doi: <https://doi.org/10.1093/scipol/scz040>.
- Matthews F. 2012. Governance and State Capacity. – *The Oxford Handbook of Governance* / ed. by D. Levi-Faur. Doi: 10.1093/oxford/hb/9780199560530.013.0020.
- Melville A.Y., Mironyuk M. 2016. "Bad Enough Governance": State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies. – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. N 2. P. 132–151.
- Owen C., Bindman E. 2017. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. – *Government and Opposition Limited and Cambridge University Press*. P. 1–23. Doi:10.1017/gov.2017.13.
- Rhodes R.A.W. 1996. The New Governance: Governing without Government. – *Political Studies*. XLIV. P. 652–667.
- Weiss T. 2005. *Governance, Good Governance and Global Governance, the global governance reader*. Rorder Wilkinson. London: Rutledge.

Балаян Александр

Идентификация интеллектуалов как политического феномена

Балаян

Александр Александрович –
кандидат политических наук,
доцент департамента
политологии и международных
отношений НИУ ВШЭ – СПб

Для связи с автором:
alexandr1138@mail.ru

Для цитирования:

Балаян А.А. Идентификация
интеллектуалов как
политического феномена //
Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 1.
Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_1_60

Аннотация

В статье рассматривается историческое становление фигуры интеллектуала как специфического политического феномена, который играл важную роль в политических трансформациях стран Запада в XX в. Раскрываются причины постепенного вытеснения интеллектуалов из общественной жизни и потери их влияния на власть.

Ключевые слова: интеллектуалы, общество, политические трансформации.

Balayan Alexandr

Identification of the intellectuals as a political phenomenon

Balayan

Alexandr Aleksandrovich –

*Associate professor,
Department of Political Science and
International Affairs
HSE Campus in St. Petersburg*

*To contact the author:
alexandr1138@mail.ru*

Abstract

The article considers the historical formation of the figure of an the intellectual as a specific political phenomenon that played an important role in the political transformations of Western countries in the 20th century. The reasons for the gradual displacement of the intellectuals from public life and the loss of their influence on power are revealed.

Keywords: intellectuals, society, political transformations.

Рассмотрение роли структур-посредников в современных социогуманитарных исследованиях представляется весьма актуальным. Но в основном исследования акцентируют внимание на структурах гражданского общества и их взаимодействии с государственными институтами, что вполне объяснимо. На этом фоне недостаточно внимания уделяется изучению специфических социальных групп, оказывающих прямое воздействие на поведение политической элиты и принимаемые ею решения. Воздействие же данных социальных групп на развитие, прежде всего, Европы в XX в. сложно переоценить. Любые социально-политические и экономические преобразования вызывают определенный резонанс, интенсивность которого зависит от множества факторов. Особенно важна в этот период степень взаимодействия социальных групп и политических элит. Одну из существенных ролей в таком воздействии играет социальная структура, которую на Западе принято называть интеллектуальной элитой или интеллектуалами. Именно от результата их взаимодействия с социальной средой и политической элитой во многом зависит вектор дальнейшего развития той или иной страны. Она фактически выступает своеобразным модулятором отношения общества к любым действиям политической элиты. Тем самым интеллектуальная элита обладает мощным инструментарием для воздействия на принимаемые властью решения и даже может уравновешивать ее на определенных этапах развития государства [Балаян 2015: 28].

Специфика понятия

Несмотря на то что сам термин «интеллектуал» связан именно с XX в., его происхождение обусловлено историческим формированием людей искусства – писателей, художников, поэтов и людей науки – прежде всего, философов. Наиболее интересным с этой точки зрения является формирование подобной социальной группы в античной Греции. В этом регионе наблюдалась уникальная ситуация, которая привела в конечном итоге к формированию образа западного интеллектуала. Причина этого кроется и в том, что, в отличие от других, преимущественно централизованных и гомогенных культур грекам удалось обеспечить большое разнообразие в науке и искусстве: «Что было опасно в Афинах или Спарте, могло быть допустимо в Милете или Сиракузах» [Бен-Дэвид 2014: 87]. Подобная плюральность приводила к увеличению философских кружков и школ в разных греческих регионах, где «группы любителей приключений и инакомыслящих могли уйти и поэкспериментировать с новыми политическими и религиозными идеями в небольших кружках избранных, не сталкиваясь с официальной религией и правительством и не отрываясь от народа и его культуры» [Там же: 87].

Как отмечает В. Беньямин, осмысление роли творческого меньшинства можно проследить еще в модели идеального государства Платона на примере

поэтов. В целом, высоко оценивая власть поэзии, Платон все же отказывал поэтам в нахождении в идеальном государстве, поскольку «считал поэзию вредной – излишней, разумеется, в некоем совершенном сообществе» [Беньямин 2012: 133]. Именно роль поэтов могла погубить идеальное государственное устройство, поскольку приносило в него страстное начало и, следовательно, смуту. Определенный антагонизм был между философами и людьми искусства достаточно интересен, тем более что обе эти группы можно отнести к творческому меньшинству. Таким образом, еще в период античности зарождается понимание того, что люди творчества обладают сильным воздействием на общество, а следовательно, несут определенную угрозу.

Осознание интеллектуалами своего места и роли можно отнести еще к периоду политической философии после Гёте и Гегеля. Благодаря литераторам, преподавателям университетов и другим представителям творческих специальностей из числа левых гегельянцев сформировался негативный образ свободно парящего, взволнованно полемизирующего, вмешивающегося, сентиментального и зачастую непредсказуемого интеллектуала. Между тем он всегда нуждался в либерально настроенных слушателях, которые информированы и готовы к обратной связи. Именно поэтому ему приходится обращаться к какому-либо функциональному государству, чтобы в борьбе за правду и права общества иметь возможность апеллировать к вечным ценностям [Хабермас 2006: 5].

Но нужны ли обществу интеллектуалы? М. Фуко утверждает, что народ больше не нуждается в знаниях интеллектуальных элит, потому как считает, что знает все сам. Важная проблема заключается в том, что сама власть не позволяет массам иметь собственное знание и мыслить иначе, чем им разрешается. В связи с этим роль интеллектуала состоит в борьбе против власти, а не в безмолвном созерцании и направлении умов людей. Он должен быть для общества источником нового «знания», «сознания», «истины» и «дискурса» [Фуко 2002: 69]. Нужно отметить, что, взаимодействуя с властью и обществом, интеллектуалы становятся заложниками собственных принципов и идеалов. Многие писатели и ученые были убеждены, что уже в середине XX в. наступит эра нового интеллектуала, который откажется от иррациональных конфликтов и противоречий и будет знать, что общество нуждается в его знании и философии [Rand 1963: 43]. Действительность оказалась намного прозаичнее. Важным здесь выступает мнение Ж. Бенда, который отмечал, что значительное число интеллектуалов отказались от принципов служения великому и пренебрегли разумом, начав следовать современным ценностям и философии, в которой утверждались интуитивизм, субъективизм и иррационализм [Бенда 2009: 12].

С нашей точки зрения понятие «интеллектуал» можно рассматривать в узком и широком смыслах, которые отличаются по генезису и социальным функциям. В рамках узкой трактовки данное понятие связывают с понятием «автор». Автор в понимании философии постструктурализма – это человек, производящий некий уникальный продукт, отсутствующий до этого (текст, визуальное искусство, музыкальное произведение и т. п. может быть таким продуктом). В рамках данной концепции выделяют авторов двух типов: автономного автора, погруженного в определенную дискурсивную традицию, который просто производит «продукт», и автора, находящегося в так называемой трансдискурсионной позиции, то есть не только создателя своих текстов, но и инспиратора возникновения текстов других авторов. М. Фуко называет такой тип автора «учредителем» или «установителем» [Фуко 2002: 98]. Именно эти свойства автора и определяют подлинного интеллектуала. Такие интеллектуалы – это люди, консолидирующие общество, их право на роль медиатора не обсуждается. Интеллектуал характеризуется тремя отличительными признаками. Во-первых, особенностью классового положения: он либо мелкий буржуа на службе у капитализма, либо интеллектуал из пролетариата. Во-вторых, особенностью условий жизни и труда, которые связаны непосредственно с его предназначением: финансовый достаток, специфика работы и область исследований. В-третьих, особой политической ролью в обществе: экономическим или политическим требованиям, которым интеллектуал подчиняется или против которых бунтует [Там же: 206].

Подтверждение правомерности данной трактовки интеллектуальной элиты можно найти в концепции истории А. Тойнби. В основе данной концепции лежит проблема «вызова», угрожающего самому существованию общества и «ответа» на этот «вызов», причем автором «ответа» является творческое меньшинство [Тойнби 1995: 46]. Тойнби отмечает, что толчок к социально-политическому развитию государства дают люди, которые могут разрушить круг примитивной жизни и свершить акт творения, выражающегося в различных формах. В качестве движущей силы этого процесса могут выступать как «творцы-одиночки», так и «социальные группы творцов». Фактически Тойнби имел в виду интеллектуальную элиту (интеллектуалов), роль которых в историческом развитии общества трудно переоценить. Однако, по Тойнби, в идеале, если подобные индивиды войдут в политическую элиту, они обеспечат стабильное развитие государства и эффективное взаимодействие власти и общества. С нашей точки зрения последнее утверждение является ошибочным, поскольку вся ценность интеллектуальной элиты в том, что она занимает промежуточное положение между политической элитой и обществом. Такое независимое положение дает интеллектуальной элите серьезный инструментарий для взаимодействия с политической элитой и социальными институтами.

Фигура общественного интеллектуала

Но узкая трактовка слишком «требовательна» к определению интеллектуала. Интеллектуалов-авторов было не так много в Европе, и если учитывать, что часть из них напрямую сотрудничала с авторитарными и националистическими режимами¹, то было бы неправильно вычеркивать из данного понятия целый пласт людей, которые не являются авторами в постструктуралистском понимании, – так называемые общественные интеллектуалы. Это «ученые, инженеры, врачи, законники, юристы, профессора и т. д. Как индивиды эти люди не отличаются от других людей – каждый из них, чем бы он ни занимался, разоблачает и поддерживает бытие, которое он превосходит своим проектом по его преобразованию»². Они создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию. Это те, кого З. Бауман называет «толкователями», то есть кто делает доступным идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом. Интеллектуалы, в отличие от интеллигенции, не столько априори оппозиционны, сколько настроены на диалог между обществом и государством. Сознание их может быть наполнено скепсисом, но останется неослабно и постоянно будет связано с рациональным исследованием и моральными суждениями – они будут говорить правду власти [Бауман 2003: 7]. Исходя из этого, можно дать следующее определение фигуре общественного интеллектуала: это представитель творческой профессии, обладающий социальным капиталом и участвующий в формировании, развитии или интерпретации идей и идеологий.

Особый статус интеллектуала в конце XX в. подтверждает Юрген Хабермас, который отмечает, что «уже во время инкубационного периода, когда вирусы Великой французской революции распространялись по всей Европе, обозначилась та констелляция, в которой суждено было найти свое место типу современного интеллектуала» [Хабермас 2006: 7]. По его мнению, интеллектуал является частью мира, где главной является «политическая культура возражения» [Там же: 5], в рамках которой можно мобилизовать ту или иную социальную группу. Интеллектуал не должен употреблять свое влияние, «которого он добился с помощью слов» [Там же: 6], для того чтобы обрести власть, – именно в этом заключается принципиальное различие между социальной и политической элитой. Схожая позиция у французского философа Жюль Делёза, который сравнивал речь интеллектуала с действием, выражающимся в сопротивлении [Делёз 1998: 121]. Поскольку одним из главных

¹ Самый яркий пример – это выдающиеся немецкие философы Мартин Хайдеггер и Эрнст Юнгер, которые открыто поддержали нацистов.

² Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов. – *Научно-просветительский журнал «Скепсис»*. URL: http://scepisis.ru/library/id_2752.html (дата обращения: 14.07.2022).

проявлений интеллектуала является сопротивление, Парижские волнения 1968 г., с его точки зрения, логичный этап в функционировании интеллектуальной элиты общества. Иную точку зрения высказывает исследователь Д. Петрас, по мнению которого интеллектуалы практически не влияют на политику. По его мнению, в основном интеллектуалы важны для пропаганды в пользу режима, составления оценки состояния социально-экономических реформ, а также просвещения лидеров и активистов политических партий³. Говоря в основном о левых интеллектуалах, он акцентирует внимание на двух группах: реформистах и революционерах, – каждая из которых ограничивается лишь публичными заявлениями. Фактически в данной трактовке интеллектуал – это высокоточный инструмент в руках государства, с помощью которого можно достигать определенных целей. На наш взгляд, такая трактовка неприемлема и социальная элита сыграла одну из важнейших функций в политических трансформациях целого ряда стран.

Как можно увидеть, отношение к роли интеллектуалов в социально-политических процессах Европы весьма неоднозначное. И это неудивительно, ведь, как любое противоречивое явление, они вызывают различную реакцию на свои действия. Как справедливо отметил Ж.-П. Сартр, «интеллектуал, как продукт разрываемого общества, делает это разрываемое общество явным, потому что он вообрал в себя его разорванность. Поэтому он – исторический продукт»⁴. При этом он должен быть полностью социализированным и использовать досуг не только для посещения музеев и театров, но и взаимодействовать с другими интеллектуалами [Рорти 2003: 3-4].

Важной видится позиция, изложенная К. Мангеймом, который утверждал, что интеллектуалы не привязаны к определенному социальному положению и занимают «особую мессианскую позицию экономической незаинтересованности», поэтому они имеют весьма обширную сферу влияния и большой кругозор [Мангейм 1994: 74–75]. Однако ряд авторов не делали акцента на социальном происхождении интеллектуала. Так, по мнению А. Грамши, интеллектуал может произойти и от крестьянина [Gramsci 1989: 114]. Подобной позиции придерживается и Н. Хомский, говоря об интеллектуале-бедняке. Этот термин восходит еще к Ветхому Завету и идее о недооцененном пророке. Это важно в контексте взаимоотношений интеллектуала и власти. Известно, что в истории не раз встречались философы у трона – пророки при

³ Петрас Д. Роль интеллектуалов в общественных переменах. – *Аналитический портал «Левт.ру»*. URL: <http://www.left.ru/7/petras1/24-2phtml> (дата обращения: 05.07.2022).

⁴ Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов. – *Научно-просветительский журнал «Скепсис»*. URL: http://scepsis.ru/library/id_2752.html (дата обращения: 04.07.2022).

царских дворах, которых народ почитал при их жизни, а также моральные настоятели, не относящиеся ко двору и не находившие отклика в душах своих современников [Хомский 2005: 234]. Важно помнить, что власть всегда имеет претензии на сотрудничество с интеллектуальной элитой, потому как старается повысить свою легитимность в глазах народа, пытаясь не допустить тиражирования неугодных мыслей [Врум 2010: 42], потому как существуют «публичные» интеллектуалы, способные оказывать на общество влияние своим словом. Они выступают, говорят правду и много пишут. Поэтому власть старается перекрыть им возможность «говорить» с обществом, ведь они нашли возможность влиять на настроения людей с помощью ручки и пера, что невероятно опасно. Как следствие, интеллектуалы горячо реагируют на изменение настроений в политике и стараются достучаться до общества, играя роль наставника, потому как сами люди многое видят и понять просто не в состоянии [Дарендорф 1997: 5]. Соответственно, в отличие от власти интеллектуал имеет моральные ориентиры и эмпатию. Именно поэтому только он способен остаться на стороне справедливости и выполнить гражданский долг.

В наше время для интеллектуалов существует опасность быть неуслышанным, это связано с наличием информационного шума [Chomsky 2017]. Можно однозначно констатировать, что мрачное пророчество У. Эко сбылось и в современном мире общество окончательно разделилось на тех, кто потребляет готовые информационные потоки, не имея возможности их фильтрации, и людей, которые могут позволить себе отбраковывать ненужный контент, получая только самую важную информацию, какую затем анализируют. Очевидно, что вторая категории наиболее близка к интеллектуалам [Эко 1998: 91]. Информации становится все больше, и она практически никак не фильтруется. Это приводит к тому, что в общество проникают и распространяются популярные идеи, а интеллектуал становится более фрустрированным и, таким образом, отделенным от реальности. Он погружается в информационные потоки, но его мысли оказывают все меньше влияние на массы. Это приводит к тому, что «между интеллектуалом и его потенциальной публикой встают технические, экономические и социальные структуры, которые принадлежат другим и управляются другими» [Миллс 2014: 14]. Поэтому переход коммуникации с бумажных носителей на электронные привел к расширению влияния СМИ и уплотнению коммуникационных сетей; публичная сфера, в которой находились интеллектуалы, стала более всеохватной, а диалог с обществом – более интенсивным. С другой стороны, интеллектуалы постепенно начали сами теряться от перенасыщения информацией. Ю. Хабермас отмечает, что причины такого парадокса в том, что публичная сфера стала менее формализованной и существующие в ней роли стали менее дифференцированными [Хабермас 2006: 7]. С этой точки зрения задача интеллектуалов

«истолковывать мир, а не только изменять или даже объяснять его» [Александр 2013: 522]. А чтобы делать это наиболее эффективно, они должны создавать «исторические нарративы о своем собственном времени» [Там же: 522], смысл которого должны определить и разъяснить, почему оно сменилось и повторится ли подобное превращение в отношении того мира, в котором они живут» [Там же: 522].

Появление и развитие интеллектуалов в Европе было историческим феноменом, обусловленным особенностями развития региона в целом, протеканием процесса модернизации. Они подобно рецепторам первыми ощущали на себе проблемы развития своей страны и уже затем ретранслировали свое понимание на общество в целом. Сегодня можно констатировать кризис интеллектуалов как публичных фигур. Сегодня их влияние на политические процессы в Европе и США незначительно. Намного большую роль играют эксперты и технократы, которые представляют свои образы будущего. Интеллектуалы отступили в свои закрытые профессиональные сообщества и сегодня занимаются скорее научно-аналитической или творческой деятельностью. А это значит, что институционализация интеллектуалов в публичной сфере отдельно взятой страны и их «возвращение» зависит в том числе и от потребностей общества в переменах.

Источники

Александр Дж. 2013. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. М.: Праксис. 630 с.

Балаян А.А. 2015. *Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. Опыт Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства*. СПб.: Алетейя. 138 с.

Бауман З. Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов. – *Неприкосновенный запас*. 2003. № 1 (27). С. 5–20.

Бенда Ж. 2009. *Предательство интеллектуалов*. М.: ИРИСЭН, Социум. 312 с.

Бен-Дэвид Д. 2014. *Роль ученого в обществе* / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 344 с.

Беньямин В. 2012. *Учение о подобию: медиаэстетические произведения* / пер. с нем. под ред. И. Болдырева. М.: Ad Marginem. 290 с.

Дарендорф Р. 1997. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением. Политические исследования. – *Политические исследования*. № 6. С. 5–14.

Делёз Ж. 1998. *Фуко*. М.: Гуманитарная литература. 171 с.

Мангейм К. 1994. *Идеология и утопия*. – *Диагноз нашего времени* / пер. с нем. и англ. М.: Юрист. С. 7–276.

- Миллс Ч. 2014. Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе. – *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 112–125.
- Петрас Д. Роль интеллектуалов в общественных переменах. – *Аналитический портал «Лефт.ру»*. URL: <http://www.left.ru/7/petras1/24-2phtml> (дата обращения: 05.08.2022).
- Рорти Р. 2003. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов. – *Вопросы философии*. № 3. С. 30–41.
- Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов. – *Научно-просветительский журнал «Скепсис»*. URL: http://scepisis.ru/library/id_2752.html (дата обращения: 14.08.2022).
- Тойнби А. 1995. *Постижение истории* / пер. с англ., сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс. 736 с.
- Фуко М. 2002. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис. С. 384.
- Хабермас Ю. 2006. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. – *Неприкосновенный запас*. № 3. С. 5–13.
- Хомский Н. 2005. О природе и языке. С очерком: Секулярное священство и опасности, которые таит демократия / пер. с англ. М.: КомКнига. 288 с.
- Эко У. 1998. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. – *Интернет*. № 6–7. С. 91–92.
- Brym R.J. 2010. *Intellectuals and Politics*. London: Routledge. 90 p.
- Chomsky N. 2017. *The Responsibility of intellectuals*. N.Y.: The New Press. 160 p.
- Gramsci A. 1989. *An anthology of western Marxism* / ed. by R.S. Gottlieb. N.Y., Oxford: Oxford University Press. 328 p.
- Rand A. 1963. *For the new intellectual*. N.Y.: Penguin. 159 p.

Заостровцев Андрей

Эффект колеи, культура и критические моменты

Заостровцев

Андрей Павлович –

*кандидат экономических наук,
профессор департамента
государственного
администрирования
НИУ ВШЭ – СПб*

*Для связи с автором:
zao-and@yandex.ru*

Для цитирования:

*Заостровцев А.П. Эффект
колеи, культура и критические
моменты //*

Публичная политика. 2022.

Т. 6. № 1.

*Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_1_70*

Аннотация

В статье рассматривается зависимость от траектории предшествующего развития как межпоколенческая передача культуры. Последняя понимается как устойчивый идеальный образ общественного порядка. В этой связи показано, что укорененный в российском общественном сознании позитивный образ Сталина во многом predetermined поворот страны к неосталинизму в XXI в. С концепцией зависимости от траектории предшествующего развития связана концепция критических моментов. Она показывает возможную прерывистость исторического пути, радикальных изменений в обществе. Однако эти изменения не всегда закрепляются, и нередко происходит возвращение в историческую колею. Контрастным примером служат исторические судьбы Литвы и Беларуси. Подчеркивается, что радикальные сдвиги в имперских странах неотделимы от их предварительного развала.

Ключевые слова: зависимость от траектории предшествующего развития, Сталин, критические моменты, культура, Литва и Беларусь, империя.

Zaostrovtssev Andrey

Path dependency, culture and critical junctures

Zaostrovtssev

Andrey Pavlovich –

*candidate of sciences (Economics),
professor, National Research
University “Higher School of
Economics” – St. Petersburg*

To contact the author:

zao-and@yandex.ru

Abstract

The article considers the path dependence as an intergenerational transmission of culture. The latter is understood as a stable ideal image of the social order. In this regard, it is shown that the positive image of Stalin, rooted in the Russian public consciousness, largely predetermined the country's turn to neo-Stalinism in the 21st century. Linked path dependency concept is the concept of critical junctures. It shows the possible discontinuity of the historical path, radical changes in society. However, these changes are not always fixed and often there is a return to the historical track. A contrasting example is the historical destinies of Lithuania and Belarus. Finally, it is emphasized that radical changes in the imperial countries are inseparable from their preliminary collapse.

Keywords: path dependence, Stalin, critical junctures, culture, Lithuania and Belarus, empire.

Обсуждение осмысления социальной реальности невозможно в отрыве от новых идей и концепций, нацеленных на данное осмысление. В экономической теории такие идеи и концепции появились применительно к изучению исторического процесса, который никак не укладывался в рамки статической неоклассической теории¹. Последняя описывает некий процесс, где актер(ы) озадачен(ы) проблемой наилучшего размещения ресурсов между альтернативными целями в данном месте и в данное время.

В то же время обратившиеся к изучению исторической динамики экономисты не могли быть удовлетворены и макроэкономическими теориями экономического роста, которые сводили его источники к качеству факторов производства и техническому прогрессу. Накопленный опыт помощи развивающимся странам все чаще показывал, что «не в коня корм»: сколько ни насыщай их новой техникой и знаниями, все равно в итоге они, как правило, не вытягивают даже на уровень среднеразвитых стран.

Обратились к институтам. Однако предлагаемые «лучшие практики» тоже не срабатывали. Импортные институты плохо приживались на местной почве. Укоренившиеся в странах-импортерах институты либо отторгали их, либо изменяли их таким образом, что желаемый эффект не достигался. Описание подобных явлений в систематизированном виде представлено в книге бывшего высокопоставленного функционера Всемирного банка Уильяма Истерли [Истерли 2016].

Зависимость от траектории пройденного пути (эффект колеи)

Устойчивость плохих институтов нуждалась в объяснении. И тут случайно появилась концепция зависимости от траектории пройденного пути (*path dependence*), которую в России с подачи известного экономиста-институционалиста Александра Аузана стали нередко именовать «эффектом колеи»². Не будем вдаваться в подробности относительно того, как эта концепция, первоначально примененная американским экономистом Полом Дэвидом к объяснению исторической зависимости от изначально принятых технических решений (знаменитый QWERTY-эффект), впоследствии стала ключевой в понимании институциональной истории. Интересующиеся могут обратиться к статье Рустема Нуреева и Юрия Латова [Нуреев, Латов 2006].

---

¹ Данное обстоятельство особо подчеркивал Дуглас Норт (1920–2015) в последней индивидуальной монографии [Норт 2010: 125, 141].

² На одной из встреч автора с Аузаном последний сказал, что этот термин (навеянный песней Владимира Высоцкого про колею) ему подсказал один студент, когда лектор пожаловался на трудность адекватного перевода английского словосочетания *path dependence* на русский язык.

Что же представляет собой «эффект колеи»? Это воспроизводство (репликация) институтов в историческом времени, сохраняющая основы социальных порядков. И тут принципиально важно обратить внимание на то, о каких именно институтах идет речь. В институциональной экономической теории принято деление институтов на неформальные и формальные³. Первые лежат в основе вторых и их предопределяют. Не вдаваясь в дискуссию относительно такого деления, примем точку зрения, согласно которой первые и есть культура [Alesina, Giuliano 2015]. В этом случае придется дать определение последней, что, по общему признанию, сделать очень нелегко. Тем не менее экономисты пытаются это сделать.

Обратимся к определению Джерарда Роланда. Согласно ему, «культура – это набор ценностей и убеждений, которые люди имеют по поводу того, как работает мир (как природный, так и социальный), а также нормы поведения, вытекающие из этих ценностей» [Roland 2020: 415]. Это определение очень близко к определению политической культуры Григорием Тульчинским, которая, в частности, «выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества» [Тульчинский 2018: 24].

В России проблема культуры и институциональных изменений неоднократно рассматривалась Аузаном и его соавторами [Аузан 2015; Аузан, Бахтигараева, Брызгалин и др. 2020; Аузан, Лепетиков, Ситкевич 2022]. Притом что ими отводится культуре немалая роль, в целом авторы склоняются к традиционному для экономистов объяснению того, что они называют «ловушкой институционального развития» (исторической зависимостью от «плохих» институтов, создающей их устойчивость). По их мнению, дело в том, что «институты, ограничивающие доступ на экономический и политический рынок, могут использоваться для извлечения элитами ренты, тогда как экономически более эффективные институты открытого доступа могут снижать ее доходы или увеличивать риск потери власти» [Аузан, Лепетиков, Ситкевич 2022: 24].

Не возражая против содержательной стороны данного утверждения, нельзя в то же время согласиться с выдвиганием его на роль решающего в объяснении эффекта колеи. Дейдра Макклоски критиковала такой подход неонституциональных экономистов как никак не могущих расстаться с Max U (человеком максимизирующим) [McCloskey 2016]. Решающую роль играют укоренившиеся культурные стереотипы масс (и, разумеется, элит). Те самые ценности и убеждения.

В книге Андрея Заостровцева показано, что в России образ Иосифа Сталина как некоего выдающегося или по меньшей мере предпочтительного правителя и низкая оценка на его фоне реформатора Михаила Горбачева явились

³ Примером первых может быть сама религиозная вера как состояние умов, вторых – соответствующие ее постулатам канонические тексты.

индикаторами той культурной почвы, на которой в XXI в. обрел силу и утвердился неосталинизм [Заостровцев 2020: 231–237]. В книге, в частности, обращается внимание на результаты проведенного в 2017 г. Исследовательским центром Пью (Pew Research Center) опроса. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о роли Иосифа Сталина и Михаила Горбачева в истории. В России, как видно из рис. 1, Сталину приписали положительную и скорее положительную роль 58% ответивших, Горбачеву – лишь 22%. Результаты по остальным приведенным здесь результатам по странам бывшего СССР говорят о многом. Больше, чем что-либо иное.

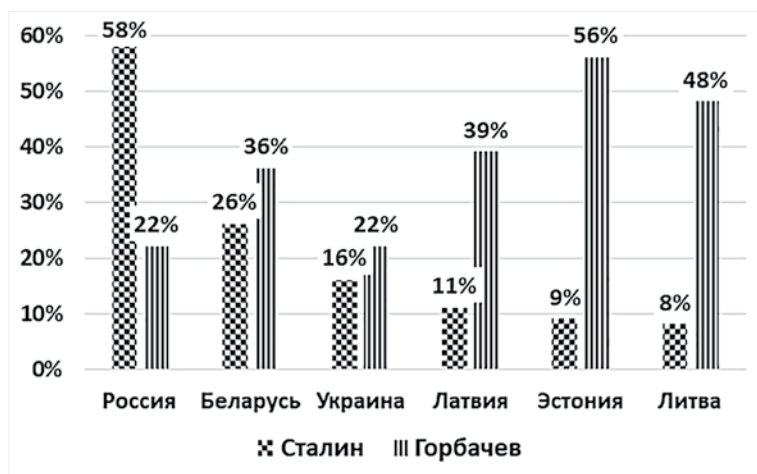

Рис. 1. Положительная и скорее положительная роль в истории
 Источник: [Pew Research Center 2017].

Сталин ведь не просто человек или даже известнейший политический деятель XX в. С его именем неразрывно ассоциируется определенный общественный строй. Это говорит о том, что высокая оценка Сталина автоматически означает высокую оценку этого строя, вхождение его идеального образа в политическую культуру, а следовательно, так или иначе его желательность как проекции на будущее⁴. В этой связи поворот России

⁴ Экономисты Мария Харари и Гвидо Табеллини не случайно подчеркивают, что культура – это образ должного. Под культурой они понимают «преимущественно нормативные ценности о том, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” вести себя в данных обстоятельствах» [Harari, Tabellini 2015: 246].

к неосталинизму в XXI в. не должен вызывать никакого удивления. О чем мечтали, то и получили⁵.

Культура является той связующей поколения субстанцией, посредством которой и реализуется пресловутый «эффект колеи». Самым очевидным образом это можно наблюдать на примере религиозных учений. В то же время за их пределами такое видение часто сталкивается с возражениями. Приверженность населения России сталинизму любят приписывать пропаганде, воздействию телевизионной картинке. Она трактуется как нечто временное, наносное, непостоянное. В этой связи можно сказать лишь одно: есть химическая реакция, а есть ее катализатор. Но последний попросту бесполезен без первой. В нашем случае химическая реакция может протекать с различной интенсивностью, но при этом ее отличает устойчивость. В данном сравнении она олицетворяет многовековую культуру государствопоклонства российского общества, одной из ярких исторических разновидностей, которой является сталинизм.

Концепция критических моментов (*critical junctures*)

В институциональной теории истории существует сравнительно молодая концепция критических моментов (*critical junctures*)⁶, которая в обобщенном виде впервые была представлена политологами Джиованни Капоччиа и Роджером Даниелем Келеменом в 2007 г. [Carocchia, Kelemen 2007]. В дальнейшем Капоччиа развил ее, показав связь критических моментов с институциональными изменениями [Carocchia 2015]. Дэвид Коллиер и Джерардо Мунк определили критический момент как главный эпизод институциональной инновации, порождающий длительное наследие (*legacy*)⁷. Эпизоды эти могут быть самыми различными, но объединяет их то, что они есть результат расхождения или шока. Последствиями являются долгоживущие, стабильные институты с заложенным в них механизмом самовоспроизводства (зависимости от предшествующего пути) [Collier, Munk 2017].

Коллиером-Мунком рассмотрена следующая логическая цепочка: предпосылки – расхождение или шок – критический момент – механизм производства (шаги, последовательность которых создает наследие) – наследие

⁵ Тут к месту будет вспомнить очень важный постулат Людвиг фон Мизеса: «Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения» [Мизес 2007: 275].

⁶ В русском переводе книги Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона этот термин переводится как «точка перелома» [Аджемоглу, Робинсон 2015].

⁷ Критический момент определяется и как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [Büthe, Jacobs 2017: 1].

[Ibid.: 5]. Эта схема была применена к сравнительному анализу истории Литвы и Беларуси в XX в. [Заостровцев 2021: 8–13]. Вкратце можно сказать, что первые три стадии этой схемы у Литвы и Беларуси были очень похожи, практически совпадали. Однако Беларусь (в отличие от Литвы) не смогла перейти к четвертой стадии. Литовская республика существовала между мировыми войнами, и это обстоятельство заложило основы традиции суверенной государственности. В то же время Белорусская народная республика просуществовала в 1918 г. чуть более полугода. Таким образом, критический момент (провозглашение государственной независимости) здесь не закрепился в виде наследия.

После Второй мировой войны и Литва, и Беларусь находились в составе СССР в качестве союзных республик. Однако литовцы воспринимали это положение как национальный гнет («третья оккупация»), противопоставляли себя СССР. Напротив, белорусы, не имевшие такого периода суверенной государственности, искренне воспринимали себя как часть СССР. Поэтому новый критический момент, связанный с распадом СССР и созданием на месте союзных республик независимых государств, привел в конечном счете к совершенно разным результатам. Литва органически вошла в западную цивилизацию, Беларусь противопоставила себя ей (рис. 2) и фактически утратила суверенную государственность, став сателлитом России.

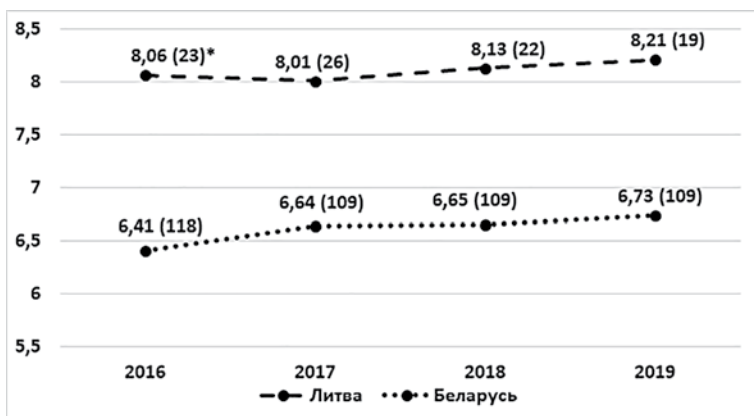

Рис. 2. Индекс человеческой свободы⁸

* В скобках – ранги среди оцениваемых стран мира.

Источник: [The Human Freedom Index – 2021].

⁸ Индекс человеческой свободы Института Катона (США) представляет собой композитный индекс, соединяющий индекс экономической свободы и индекс личной свободы. Высшее значение – 10.

Таким образом, практически однотипные критические моменты дважды в истории обернулись, можно сказать, диаметрально противоположными результатами. Это возвращает нас к вопросу культуры. Недостаточно было формально провозгласить национальную государственность – важно было, чтобы это провозглашение отвечало ценностям народа, олицетворяло его национальную идентичность.

В то же время на примере Тайваня можно видеть, что шоки и критические моменты нередко должны повторяться с тем, чтобы произошли решающие изменения в культуре – например, смена культуры цивилизации силового (деспотического) типа на культуру цивилизации правового типа [Заостровцев 2020: 248–250]. Тайвань стал Западом, в то время как материковый Китай, несмотря на все его успехи в плане экономического развития, от него только отдалился.

Для того чтобы такая «культурная революция» имела место в крупной империи, ее должен предварять шок в форме распада. Он создает условия для формального обособления ее частей в качестве критических моментов. Вне его смена цивилизационного типа невозможна. Если бы Испания до сих пор дралась за сохранение своих колоний на Американском континенте, то превращение ее в государство-члена ЕС было бы исключено. То же самое можно сказать и о Португалии и ее африканских колониях. Имперско-державная культура оказывается зачастую главным препятствием на пути перехода к правовому обществу. Если она ослабляется и имперский организм распадается, то ресентимент может остаться в прошлом. Однако «может» не значит «должен». В таких случаях все зависит от конкретных исторических обстоятельств (особенностей «критического момента» или моментов).

Заключение

Концепции зависимости от траектории предшествующего пути и критических моментов органически встроены друг в друга. Первая показывает, что историческое прошлое во многом определяет настоящее и будущее. Передаточным механизмом являются неформальные институты или культура. Мир идей, построенный на базовых, укоренившихся ценностях и нормах, диктует в конечном счете, каким быть миру реальному.

Именно поэтому столь труден импорт формальных институтов, которые при столкновении с чуждой культурой обычно отторгаются. История дает неоднократные подтверждения этому, когда, казалось бы, изначально успешные радикальные реформы оборачиваются «возвращением к истокам». Российские реформы, начиная с горбачевской перестройки и далее в 1990-е гг., – наглядный тому пример.

Критические моменты взрывают стабильность движения по исторической траектории. Они отождествляются с ситуациями, когда выход из колеи возможен. Однако необходимое условие еще не есть достаточное. Для того чтобы сменить принадлежность к цивилизации, нужно обычно пройти через ряд шоков и критических моментов. И в каждом из последних сделать правильный выбор, что тоже далеко не просто.

Источники

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ. 720 с.

Аузан А.А. 2015. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез. – *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика. № 1. С. 3–17.

Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. 2020. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка дня. – *Вопросы экономики*. № 7. С. 75–91.

Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. 2022. Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений. – *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 24–47.

Заостровцев А.П. 2020. *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 310 с.

Заостровцев А.П. 2021. *Беларусь: движение против течения*. Препринт М-81/21. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 60 с.

Истерли У. 2016. *Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных*. М.: Изд-во Института Гайдара. 496 с.

Мизес Л. фон. 2007. *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. Челябинск: Социум. 392 с.

Норт Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики. 258 с.

Нуреев Р., Латов Ю. 2006. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты. – *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса* / под ред. Я.И. Кузьминова и др. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 228–256.

Тульчинский Г.Л. 2018. *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. СПб.: Алетей. 293 с.

Alesina A., Giuliano P. 2015. Culture and Institutions. – *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. N 4. P. 898–944.

Büthe T., Jacobs A.M. 2017. Letter from the Editors. – *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. N 1. P. 1.

Capoccia G. 2015. Critical Junctures and Institutional Change. – *Advances in Comparative-Historical Analysis* / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. N.Y.: Cambridge University Press. P. 147–179.

Capoccia G., Kelemen R.D. 2007. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism. – *World Politics*. Vol. 59. N 3. P. 341–369.

Collier D., Munk G.L. 2017. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studies Critical Junctures. – *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. N 1. P. 2–9.

Harari M., Tabellini G. 2015. The Effect of Culture on the Functioning of Institutions. – *Culture Matters in Russia – and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / ed. by L. Harrison, E. Yasin. London and etc.: Lexington Books. P. 245–265.

McCloskey D.N. 2016. Max U versus Humanomics: A Critique of Neoinstitutionalism. – *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. N 1. P. 1–27.

Pew Research Center (29.06.2017). *In Russia Nostalgia for Soviet Union and Positive Feelings about Stalin*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/29/in-russia-nostalgia-for-soviet-union-and-positive-feelings-about-stalin/>.

Roland G. 2020. Culture, Institutions and Development. – *The Handbook of Economic Development and Institutions* / ed. by J.-M. Baland, F. Bourguignon, J.-Ph. Platteau, Th. Verdier. Princeton University press: Princeton and Oxford. P. 414–448.

The Human Freedom Index – 2021. Cato Institute. URL: <https://www.cato.org/human-freedom-index/2021>.

Список избранных публикаций Г.Л. Тульчинского (монографии и учебные пособия)

1. Планирование деятельности культурно-просветительных учреждений. Учебное пособие. Л.: ЛГИК, 1983. 84 с. (5,5 а. л.)
2. Проблема понимания в философии. Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 191 с. (соавт. С.С. Гусев). Переведена на испанский – Аргентина, 1986; на чешский – ЧССР, Братислава, 1987.
3. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л.: ЛГУ, 1986. 178 с.
4. Перспективное и текущее планирование работы культурно-спортивного комплекса. М.: ВНМЦ, 1987. (4 а. л.)
5. Логика целевого управления. Новосибирск: Наука, 1988. 207 с. (соавт. И.С. Ладенко).
6. Разум. Воля. Успех. О философии поступка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 230 с.
7. Культура и власть. Санкт-Петербург – 2003: Культурная политика и экономическое развитие. СПб.: ИКП, 1993. 102 с. (сост. и ред.; 4 а. л.)
8. Public relations. Репутация, влияние, связи с прессой и общественностью, спонсорство. СПб.: СПб ГАК, 1994. 80 с. (6 а. л.)
9. Маркетинг в сфере культуры. СПб.: СПб ГАК, 1995. 90 с.
10. Школьный философский словарь. М.: Просвещение, 1995 (соавт. А. Малышевский и др.; 2 а. л.)
11. Технология менеджмента в сфере культуры. СПб.: СПб ГАК, 1996. 192 с.
12. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: РХГИ, 1996. 412 с.
13. Привлечение и аккумуляция финансовых средств. Фандрейзинг в сфере культуры. СПб.: СПб ГАК, 1998. 108 с.
14. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. Серия: Тела мысли. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001. (26 а. л.)

15. Культура деловой аргументации. СПб.: ГУКИ, 2001. 80 с.
16. Менеджмент в сфере культуры. СПб.: Лань, 2001. 384 с.
17. Начала философии. Раздел I: Мир. Раздел II: Человек. Учебник для старших классов общеобразовательных школ. СПб.: Иван Федоров, 2001. 304 с. (19 а. л. – в соавт., персон. – с. 158–301 = 8 а. л.).
18. Начала философии. Методическое пособие. Программа и методические рекомендации. СПб.: Иван Федоров, 2001. 176 с. (11 а. л. – в соавт., персон. – с. 85–117 = 4 а. л.).
19. Начала философии. Кн. 3. Хрестоматия (для учащихся средней школы). СПб.: Иван Федоров, 2001. 352 с. (11 а. л. – в соавт., персон. – с. 97–192 = 5 а. л.).
20. PR фирмы: технология и эффективность. СПб.: Алетейя, 2001. 294 с.
21. Теория организации и основы менеджмента (в социальной сфере). Учебное пособие. СПб.: РГПУ, 2001. 552 с. (34,5 а. л., персон. – 2 а. л., соавт. В.А. Абчук и др.).
22. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 16.) The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001. xvi + 462 p.
23. Российский гуманитарный словарь: в 3 т. I/А-Ж; II/З-П; III/П-Я. М.; СПб.: Владос, 2002. (82 статьи = 3 а. л.).
24. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. Нижний Новгород: PR-Эксперт, 2002. 310 с. (соавт. А. Векслер).
25. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
26. Менеджмент и маркетинг в социальной сфере. Учебное пособие. СПб.: Книжный дом, 2003. 636 с. (соавт. Е.Л. Шекова).
27. Менеджмент в сфере культуры. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2003. 528 с. (соавт. Е.Л. Шекова).
28. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. Серия: Тела мысли. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с. (ред. + авт. 36 статей).
29. Только уникальное глобально: культурогенез в условиях глобализации // Семиозис и культура. Сыктывкар: КГПИ, 2005. С. 18–22.
30. Работа и отношения со средствами массовой информации. СПб.: Справочники Петербурга, 2005. 64 с.
31. Социальная политика российских компаний. М.: ТЕИС, 2005 (соавт. А.А. Нещадин и др.).
32. Специальные события и общественные мероприятия. СПб.: Справочники Петербурга, 2006. 32 с.

33. Фандрейзинг: привлечение средств на некоммерческую деятельность. СПб.: Справочники Петербурга, 2006. 72 с.
34. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. М.: Вершина, 2006. 336 с. (соавт. А.Ф. Векслер).
35. Культура фирмы. СПб.: Алетейя, 2006. 292 с. (соавт. С.В. Перминова; 18 а. л.).
36. Бизнес и власть: коммуникации и партнерство. СПб.: Справочники Петербурга, 2006. 72 с. (4 а. л.).
37. Бизнес в России. Проблема социального признания и уважения. М.: Вершина, 2006. 384 с.
38. Корпоративная социальная ответственность (Социальные инвестиции, партнерство и коммуникации). СПб.: Справочники Петербурга, 2006. 104 с.
39. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. С.196–428.
40. Бренд-интегрированный менеджмент. М.: Вершина, 2007. 352 с. (соавт. В.И. Терентьева).
41. Брендинг: PR-технология. СПб.: Справочники Петербурга, 2007. 112 с.
42. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб.: Алетейя, 2007. 396 с.
43. Менеджмент в сфере культуры. Учебное пособие / под общ. ред. И.М. Болотникова, Г.Л. Тульчинского. СПб.: СПб ГУКИ, 2007. 448 с.
44. Основы академического фандрейзинга в социальной сфере: привлечение средств на реализацию научно-образовательных и социально-культурных проектов и программ. СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. 219 с. (соавт. Т.В. Артемьева).
45. Лещенко О.А., Нестеров А.В. Из «тени» в «свет». Социально ответственный бизнес в России / под общ. ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: Книжный дом, 2008. 224 с.
46. Менеджмент в сфере культуры. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2009. 544 с. (соавт. Е.Л. Шекова; 18 а. л. из 28,56).
47. Маркетинг в сфере культуры. СПб.: Лань; Планета музыки, 2009. 496 с. (соавт. Е.Л. Шекова).
48. Социальное партнерство: Опыт, технологии, оценка эффективности. СПб.: Алетейя, 2010 (соавт., ред.).
49. Обессиленное общество // Знамя. 2010. № 1.
50. Менеджмент специальных событий в сфере культуры. СПб.: Лань, 2010. 384 с. (соавт. С.В. Герасимов, Т.Е. Лохина).
51. Культура деловой и политической аргументации. СПб.: ЮТАС, 2010. 118 с. (7.5 а. л.).

52. Фандрейзинг. Привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования. Учебное пособие. СПб.; М.: Лань, 2010. 288 с. (соавт. Т.В. Артемьева).
53. Управление персоналом и человеческий капитал современной России. СПб.: Книжный дом, 2011. 416 с. (ред., соавт., 3 а. л. из 25 а. л.).
54. Модернизация России: территориальное измерение. Коллективная научная монография / под ред. А.А. Нецадина, Г.Л. Тульчинского. СПб.: Алетей, 2011. 328 с. (соредактор, автор 3,5 а. л. из 20,04 а. л.).
55. PR в сфере культуры и образования. СПб.: Лань, 2011. 576 с. (30,24 а. л.).
56. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности. СПб.: НИУ ВШЭ – СПб, 2012. 236 с.
57. Менеджмент и маркетинг в сфере культуры. Практикум. СПб.: Лань, 2012. 156 с.
58. Self-management в сфере культуры и искусства. СПб.: Лань, 2013. 224 с. (соавт. С.В. Кадырова, Е.А. Немцева; 3 а. л. из 12 а. л.).
59. Основы связей с общественностью. Опорный конспект в схемах и таблицах. М.; СПб.: НИУ ВШЭ, 2013. 122 с. (7,5 а. л.).
60. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: СПбГУ, 2013. 280 с.
61. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности. Учебник для бакалавров / Г.Л. Тульчинский. М.: Юрайт, 2014. 338 с.
62. Политическая философия / под общ. ред. Г.Л. Тульчинского. Серия: Модуль. Академический курс. М.: Юрайт, 2014. 324 с. (соавт. А.А. Балаян, И.В. Сохань, А.Ю. Сунгуров; 15 из 17,1 а. л.).
63. Политическая культура. Учебное пособие / Г.Л. Тульчинский и др.; под общ. ред. Г.Л. Тульчинского. Серия: Авторский учебник. М.: Юрайт, 2015. 324 с.
64. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетей, 2015. 176 с.
65. Логика и теория аргументации. Учебник для академического бакалавриата / Г.Л. Тульчинский, С.С. Гусев, С.В. Герасимов; под ред. Г.Л. Тульчинского. М.: Юрайт, 2016. 233 с.
66. Метафизика: в 2 ч. Ч. 1: Бытие и мышление. 2-е изд., испр. и доп. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017 (в соавт.; собств. § 9 – 1 а. л.).
67. Метафизика: в 2 ч. Ч. 2: Сознание и познание. 2-е изд., испр. и доп. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017 (в соавт.; собств. § 25–27 = с. 156–205 – 3 а. л.).

68. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Алетейя, 2018. 484 с.

69. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетейя, 2018. 294 с.

70. Управление: философия, социология, междисциплинарные исследования: коллективная монография / под ред. О.Я. Гелиха, Г.Л. Тульчинского. СПб.: РГПУ, 2019. 195 с. (введение – с. 4–5; гл. 2 – с. 28–34; гл. 8 – с. 166–187).

71. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с.

72. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.

73. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2020. 544 с.

74. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. Коллективная монография / С.Т. Золян, Н.А. Пробст, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский; под ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.

75. Смысловая картина мира и визуализация // Открытость миру: гуманитарные ответы на вызовы пандемии / сост. и ред. Т.С. Юрьевой, Г.Л. Тульчинского. СПб.: Скифия-принт, 2022. 114 с.

76. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования. Монография / под ред. А.А. Тесли, С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2022. 347 с.

Правила оформления текстов в журнале «Публичная политика»

1. Рукописи, присылаемые в редакцию журнала «Публичная политика», должны быть оригинальными научными исследованиями. Тексты, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных статей и монографий или иных научных работ, к печати не принимаются.

2. В начале статьи указываются на русском и английском языках ее название, фамилия, имя и отчество автора, место работы, занимаемая должность, ученая степень, город, страна, e-mail, пишутся аннотация (не более 200 знаков) и ключевые слова.

3. Тексты статей представляются на русском или английском языке объемом от 0,7 до 1 п.л. без пробелов (для обзоров и рецензий от 0,2 до 0,5 п.л. тыс. знаков), включая сведения об авторе, аннотацию, ключевые понятия, список литературы, references. Текст должен быть в формате Word 2003–2016, кегль 14 “Times New Roman”, интервал 1,0. Поля страницы обычные: верхнее и нижнее по 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см.

4. Ссылки на литературу оформляются по чикагской системе – в квадратных скобках (например, [Лейпхарт 1997: 277], [Huntington 1996: 5]), в конце статьи – список научных источников в алфавитном порядке (сначала российские, затем зарубежные). Ссылки на законодательные акты, публицистику или статистические данные нужно оформлять постранично в виде сносок. Для нормативных актов указываются начальная и последняя редакции. При ссылках на несколько работ одного автора за один год нужно в тексте и литературе к году приписать буквы (а, б, в... – в русскоязычной части списка; a, b, c... – в иноязычной части). При ссылке на источники, размещенные в сети Интернет, дается их библиографическое описание (при наличии опубликованного варианта), указываются название и адрес сайта, а также в круглых скобках дата обращения.

В списке литературы:

– при оформлении книг указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название книги, место издания, издательство, общее количество страниц;

– при оформлении научных статей указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название статьи и журнала, том и номер, страницы

расположения статьи, электронный адрес и дата обращения, если речь идет об интернет-публикации;

– название периодического издания, монографии, сборника или главы книги выделяется курсивом.

Примеры:

1. При описании книг:

На русском: Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 300 с.

2. Книга коллектива авторов:

На русском: *Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке* / под ред. Е.А. Ларина. 2012. М.: Наука. 767 с.

3. Переводная книга:

На русском: Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОС-СПЭН. 320 с.

4. Статья из периодического издания:

На русском: Капустин Б.Г. 2003. К понятию политического насилия. – *Политис. Политические исследования*. № 6. С. 6–26.

5. Кроме статьи, в редакцию высылаются отдельным файлом следующие данные:

- 1) Ф.И.О. (указывается полностью);
- 2) должность и место работы или учебы, ученая степень;
- 3) почтовый адрес с индексом;
- 4) адрес электронной почты и контактный телефон.

Для заметок

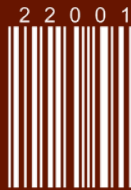

Для заметок

ISSN 2541-8351

9 772541 835007

2 2 0 0 1

>